

Г. Ф. Квитка-Основьяненко

Приезжий из столицы, или Суматоха в уездном городе

Оригинальная комедия в пяти действиях

Действующие лица

Фома Фомич Трусилкин — городничий.

Домна Фоминишна — сестра его, девица 40 лет.

Анна Петровна Любимова — племянница их.

Матрена Степановна Кусакина — жена стряпчего.

Эйжени — дочь ее.

Василий Авдеевич Отчетин — опекун Любимовой.

Тихон Михайлович Спалкин — уездный судья.

Лука Семенович Печаталкин — почтовый экспедитор.

Афиноген Валентинович Ученосветов — смотритель уездных училищ.

Василий Николаевич Милов — майор.

Владислав Трофимович Пустолобов — приезжий из столицы.

Шарин — частный пристав.

Дуняша — служанка Домны Фоминишны.

Солдаты.

Действие в уездном городе, в доме городничего.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Явление первое

Домна Фоминишна, сидя у стола, раскладывает карты.

Дуняша (*входя*). Вы изволили спрашивать, сударыня?

Домна Фоминишна. И давно уже. Дай мне скорее одеться.

Дуняша. Позвольте вас спросить, не изволите ли куда ехать в гости?

Домна Фоминишна. Нет, матушка, я целый день буду дома. Но сегодня приходит почта и вся публика соберется, по обычаю, к нам для узнания новостей из газет и журналов. Посоветуй мне, как бы пристойнее без наряда быть нарядной и при том, чтобы это показывало, что я не нарядна. Одним словом, нет ли чего особенного, чтобы мне и сегодня броситься в глаза, как в прошедший четверг, когда я была в лицах «Московским телеграфом» (1)?

Дуняша. Так теперь не приняться ли для перемены за «Дамский журнал» (2)?

Домна Фоминишна. Что ты? Что ты?.. Чтобы я подражала Матрене Степановне, которая верит только одним картинкам «Дамского журнала»!.. Нет, хоть уроню себя, но от «Телеграфа» (3) не отстану.

Дуняша. Извольте, сударыня, все можно.

(*Осматривает ее.*)

Немного поправя, кое-что прибавить... наколоть... открыть... будет славно, деликатно! Пожалуйте, сударыня, в уборную, я увижу «Дамский журнал» с г-жою стряпчихою и докажу, что недаром пять лет платили за меня деньги мадамам.

Домна Фоминишна. Сейчас, Дуня. Иди пока к Анюте и займись ее туалетом, а я кончу свое гар-пасья (4).

Дуняша. И, сударыня! Да о чем заботиться около Анны Петровны? Платье да... платочек, вот и весь наряд. С нею я забыла бы все свое искусство и образование.

Домна Фоминишна. Что же будешь делать? Ведь столичное воспитание! Ну, кто скажет, что она богатая невеста?.. Ба! кто-то уж приехал...

Дуняша. Это Матрена Степановна с дочкою. Уж и прикатила. Прикажете принять?

Домна Фоминишна. А как же!.. Пошли Анюту посидеть с гостями, а я скоро к тебе буду.

Дуняша, встретив гостей, уходит.

Явление второе

Домна Фоминишна, Матрена Степановна и Эйжени.

Матрена Степановна. Извините меня, милая Домна Фоминишна, что я к вам без всякой политической нравственности поспешила. Стремительное ожидание видеть вас истребило все экономические заботы и дало мне крылья нетерпения, дабы лететь, парить... и пасть в ваши объятия.

Домна Фоминишна. Ах, моя дорогая! Благодарю вас за все ваши чувствительные эскизы: и я сама не меньше горела... яснее сказать, пылала нетерпеливостью видеть вас.

Эйжени (*охорашиваясь*). Пардоне моа, ма бель демоазель, что я за поспешностью моей маман не могла прилично выдержать своего костюма. Притом же этот несносный экипаж., comment... бишь... дрожки... Ах! несносные дрожки! я вся в пыли...

Домна Фоминишна. Извините равно и меня, мои дорогие, что я еще в утреннем виде... яснее сказать, еще негляже... (5)

Матрена Степановна. О милая Домна Фоминишна! К чему предо мною возвышения? Да и к чему вам украшать себя? Подлинно о вас стихотворцам можно произнести: во всех видах ты хороша, во всех видах ты чудо света (6).

Домна Фоминишна. Ах, моя дорогая! это уж слишком утонченно. Берегитесь, чтоб не нарушить равновесия скромности, яснее сказать, чтобы не избаловать меня, — ведь и девице лесть опасна.

Матрена Степановна. Ласкательство есть чуждая степеню душе моей. Истина мною путеводствует; ах! одну ее обожаю. Подтверди мои чувственные изъяснения, Евгаша!

Эйжени. Ах, chère maman! Не я ли вас сто раз просила называть меня по-людски, а не по-одноречески (7). Что это за ужасное выражение — Евгаша! Эйжени!.. кажется, ясно!

Матрена Степановна. Ах, милая, как ты глупа! Ведь я не могу руководствовать своею зыблущеюся прононциациею; я не получила образования в пансионе, то и увлекаюсь первоначальною привычкою. Но скажите, милая Домна Фоминишна, что, наша утешительница-почта еще не приходила?

Домна Фоминишна. Нет еще. Нетерпеливо ее ожидаю. Лука Семеныч обещал ту же минуту сам принести.

Матрена Степановна. Я удушаюсь нетерпеньем. Милая картинка «Дамского журнала», верно, восхитит нас.

Домна Фоминишна. Ах, моя дорогая! Есть чем восхищаться! Картинки «Телеграфа» восхитительнее, предметы яснее, краски гораздо пестрее.

Матрена Степановна. Вот у нас рождается опять прение по части словесности. Я удивляюсь, как прочие журналы, разбирая все предметы, о картинной части не говорят своего мнения. Можно бы знать общее мнение. Но, видно, часть сия в таком превосходстве, что невозможно найти, что окритиковать.

Домна Фоминишна. Как мы должны быть благодарны за доставление нам сведений о модах! Без них мы бы не знали, как пристойно нарядиться, яснее сказать, одевались бы, как наши бабушки.

Эйжени. Но, кажется, дурно переводят наши издатели. Во всех трех пансионах, в некоторых я два года воспитывалась, мы с своими мадамами хотели следовать журналам, но все не шло в лад.

Матрена Степановна. Да с французского прямо почему вы не почерпали?

Эйжени. Потому что трудно нам было переводить, а мадамы наши отвыкли от своего языка и не могли изъяснить. Но скажите, пожалуйста, шерочка Annette здорова ли?

Домна Фоминишна. Она здорова. Но как бы вы думали, чем она занимается? Вот пять часов, как она встала и оделась, но как — вы увидите.

Матрена Степановна. Пять часов как встала! Ах! как поддерживается еще ее жизненная потребность! Чем же она занимается?

Домна Фоминишна. Читает, пишет, играет, работает, и все одна в своей комнате. Говорит, что неприлично девушке быть без дела.

Эйжени. Ее нигде не видно. Не гуляет вечером по улице?

Домна Фоминишна. Правду сказать, убиты деньги за воспитанье.

Матрена Степановна. Говоря с чистосердечным признанием, вы на нее положили в шесть лет столько капитала, сколько мы на свою Евга... дочку — в два года. Но зато какая же противоположность!

Эйжени. Мне она жалка. Она при мне всегда робеет. А вот и она.

Явление третье

Те же и Анна Петровна, одетая просто, но с опрятностью и вкусом. Она делает приветствия без принуждения. Эйжени ей отвечает с жеманством.

Домна Фоминишна. Ну, видите ли, моя дорогая?

Матрена Степановна. Милая Домна Фоминишна! Она хотя и в столице жила, но не сформирована в обращении. То ли дело наши пансионы! Посмотрите на Евгашу и сознайтесь в сей нерушимой истине.

Эйжени. Dites moi, ma aimable amie, comment vous passez votre temps?

Анна Петровна. Довольно приятно. Не имею времени скучать.

Эйжени. Да говорите со мною en français. Вы, я думаю, совсем отвыкли и забыли?

Анна Петровна. К чему же нам в обыкновенном разговоре говорить на иностранном языке и еще при моей тетушке и вашей маменьке? Меня так учили: с русскими говорить по-русски всегда и везде; на другом языке — где нужда потребует. Отвыкнуть и забыть я не могу, потому что всегда читаю книги. Притом же... мы как-то различно изъясняемся.

Эйжени. Да, это тотчас и заметно, потому что в пансионах, где я воспитывалась, ни слова не говорят по-русски, все по-французски, все по-французски. Ежели бы еще год, я бы совсем забыла этот русский язык.

Анна Петровна. Это бы очень жаль было. Но я полагаю, что вы в пансионе учились же по-русски?

Эйжени. Извините. В два года я была в трех пансионах: у мадам Вашер, у мадам Гросваш, у мадам Торшон, и везде ни слова по-русски... и даже русской книги в руки не брала.

Анна Петровна. Очень жаль.

Матрена Степановна. Как, милая, жаль? Употребляя на образование по полторы тысячи рублей в год, кроме музыки, танцев, серебряной ложки, да еще особо за служанку, — и учиться по-русски! Стало, деньги обратить на бросание... По-русски и дьячок может сообщить сведение.

Анна Петровна. Конечно, всякий имеет свой образ мыслей. Я, по крайней мере, довольна, что хорошо знаю русский язык, и предпочитаю его прочим.

Домна Фоминишна. Что, моя дорогая? Каково воспитание!.. Но позвольте мне оставить вас... яснее сказать, идти в уборную. Аннета, ежели вам не скучно, останется с вами.

Матрена Степановна. Извольте, милая, располагать собою по своему произволению. Поставьте себя на точке приличности и употребите время на должный предмет, а мы займемся с милой барышней.

Домна Фоминишна с большими книксенами уходит.

Скажите, милая, в каком петербургском пансионе вы почерпнули образование?

Анна Петровна. Я не в пансионе, а в институте воспитывалась.

Матрена Степановна. Разве там есть еще особый институт, кроме Смольного монастыря?

Анна Петровна (*смеясь*). Есть еще институт Екатерининский (8).

Матрена Степановна. Право? Я о сем не почерпала известий из журналов, которые читаю. Так есть?

Анна Петровна. Конечно, есть и... какое училище! (*Вздыхает.*)

Матрена Степановна. Большое, огромное, превосходной архитектуры?

Анна Петровна. Совсем не то. Благотельное, благоустроенное, дающее более, чем жизнь: дающее воспитание отличнейшее. Ах! Сколько бедных девиц, подобных мне, без этого благотельного училища были бы весьма несчастными!

Матрена Степановна. Ах, милая, как возможно такую жестокою отрицательность произнести! Вы — бедная девушка? Единородная наследница семисот отраслей? И вы бедны?

Анна Петровна. Ах, сударыня, наши понятия о бедности различны.

Эйжени. Да, я понимаю. *Ma belle demoiselle* подразумевает свое сиротство. Но я откровенно вам скажу, что ежели бы мне счастье послало 700 душ, то я бы не помнила от радости, сирота ли я или нет.

Анна Петровна. Как это возможно! Даже шутить так непростительно.

Эйжени. *Je vous jure, ma chère Annette*, я так думаю.

Анна Петровна. Неужели такие правила внушены вам при воспитании?

Эйжени. Извините, *ma chère!* Во всех пансионах, где я два года была, нам не преподавали никаких правил, а нас только учили.

Матрена Степановна. Я, милая, не затем мадам деньги препровождала, чтобы дитя изнурять на правилах, но я требовала и настаивала, чтобы она была воспитана и научена всему фундаментально, и (*с чванством*), кажется, деньги не вотще опровергнуты.

Анна Петровна (*сама с собою*). О *Sophie!* Какие правды ты мне говорила!

Матрена Степановна. Скоро ли, милая, вы предпримете путь в свои собственности? Делаю расчислительное сравнение, что вам, с вашим характером и, не прогневайтесь, чувствуя себя (*посматривая на дочь*) пред другими в отличительном состоянии, должно казаться здесь скучно.

Анна Петровна. Вы точно отгадали. Желая очень видеть деревню, оросить слезами могилу моих родителей, узнать подчиненных, нужды их, научиться на опыте быть им полезною...

Эйжени. Вас ожидают в деревне удовольствия, знакомство с соседями. Ах, как бы для меня это приятно было!

Матрена Степановна. Да, по вашему возрасту в деревне должно быть привлекательнее. Притом же в соседстве у вас полки поселением распространяются: сколько офицеров!

Анна Петровна. Но я ведь не в военной службе, следовательно, они мне не товарищи.

Матрена Степановна. Ах, милая! Да женихов-то сколько! С семьями душ можно любого предызбрать. И полковники, и графы, и майоры! Тут есть возможность сделать предрассуждение.

Анна Петровна. О, если бы я имела возможность объяснить вашему предрассуждению все те понятия, какие нам дали о замужестве с душами, с графами и о прочем...

Эйжени (*увидя входящего Ученосветова*). *Nous parlerons après.*

Явление четвертое

Те же и Ученосветов.

Ученосветов (*входя, кланяется и кричит*). Новость! Новость! Поздравляю вас, себя и весь город...

Матрена Степановна. Не пришла ли почта? Не почерпнули ли вы чего из журналов?

Ученосветов. Нет, нет, нет, сударыня, нет! Я почерпнул... но не из журналов, коих вовсе не читаю после критики на меня. А пришла ли почта, я даже и не знаю. Все утро занят, писал, поправлял...

Эйжени. Да что за новости? Скажите скорее! Не будут ли у нас квартировать военные полки?

Ученосветов. Нет, сударыня, не то. Избави Бог! Тогда бы я должен запереться в своей квартире и никуда глаз не казать. Эти господа военные имеют против подобных мне ученых вечную антипатию и всегда загоняют так, что я и не нахожуся. Но у нас сегодня будет сюрприз.

Матрена Степановна. Ах, милый Афиноген Валентинович! я уже вашим предуведомлением рассюрпризована. Докончите скорее мое недоумение, поразите восторгом мое трепещущее сердце!

Ученосветов. У нас сегодня будет... но позвольте лучше по порядку. Встав рано поутру и йдучи в училище с букварем, чтобы за болезнию учителя преподавать лекции, иду я мимо нашей харчевни, под вывескою «Лондон», и вижу вдруг дорожных пешеходов и навьюченные телеги. Любопытство — моя стихия; спрашиваю, что за люди, и, к немалому восхищению, узнаю, что это труппа артистов, или путешествующих по городам актеров. Я свел с ними знакомство и уговорил их остановиться у нас и дать несколько представлений.

Матрена Степановна. Как! Неужели? У нас будут театральные представления? Вот подлинно сюрприз из всех сюрпризов!

Ученосветов. Точно так, сударыня! Я решился для сих представлений дать место в своем училище. Театральное искусство, извольте видеть, есть часть наук, или, лучше сказать, цепь, связующая науки с искусством, переход от одной к другому. Я писал о сем диссертацию, но от зависти ее не напечатали даже и в «Телеграфе». Все утро был в большой деятельности: вместо сцены расстановливал столы и покрыл коврами. Пока уставляли дорожные кулисы, я вступил в должность директора и рассматривал репертуар. На сей день для торжественного открытия театра я избрал трагедию «Димитрий Донской» (9). Исправив два действия, издал афишку и поспешил сюда для извещения почтенной публики. Остальные три действия к вечеру будут готовы.

Анна Петровна. Как! Вы исправляете Озерова?

Ученосветов. Да, сударыня, я этот труд принял на себя. Как местный чиновник по ученой части, я не могу позволить к представлению пьесы, которая не сходна с нынешними учреждениями. Как можно мне позволить сказать: «бояре, воеводы!» Где они у нас? Это старина! Мы, ученые, все знаем и должны переделывать; для того-то гораздо приличнее и правильнее сказать:

Российские князья! Вельможи! Господа!

Прешедшие чрез Дон и пришедшие сюда.

Вот как я приноравливаюсь к теперешнему времени! У меня война не с татарами, коих уже нет, а с турками. Смекаете? Нынче турецкая война: тут видна мысль и историческая истина!

Анна Петровна. О бедный Озеров!

Ученосветов. Напротив, я его славу умножу и себя прославлю. Вы увидите.

Матрена Степановна. Милый Афиноген Валентинович! вам сплетается венок бессмертия в мыслях наших. Где же милая афишка? Напечатана ли она?

Ученосветов. Увы, нет еще, сударыня! Как жаль, что наш город не имеет типографии! Сколько свет теряет важных открытий, подобных сему. Нечего делать: пусть на себя пеняет; за неимением типографии, мы ее напишем крупным и четким письмом, и я, как местный ученый чиновник, внизу подмахну: «Одобряется к напечатанию». Все равно в истории сохранится. Остается попросить г. городничего, чтобы на сей случай приказал поставить хотя один фонарный столб и к оному позволили бы прибить афишку для всеобщего сведения. Честь и слава нашему городу! С водворением наук просвещение умножается, благоденствие всеобщее...

Явление пятое

Те же и Спалкин.

Спалкин (*входит на последние слова и, целуя руки дамам, говорит*). Коего вам, милостивая государыня, в особенности желаю при засвидетельствовании моего почтения и вам, государи мои, желаю здравствовать! Фома Фомич не бывал еще из полиции? Видно, захлопотался. Измучился и я: с 10 часов, как прикованный, просидел в суде — скука: хватился — половина двенадцатого, время и о водке сделать решительный приговор...

(*Матрене Степановне.*)

Супруг ваш потащился еще в острог. Что-то почта привезет? Что-то наши греки?
(10)

(*Анне Петровне.*)

Опекун ваш приехал; присылал в опеку за протоколистом.

Анна Петровна. Василий Авдеевич приехал? Как я рада!

Ученосветов. Как и я рад. Публика наша умножается. Он возьмет кресла, да и вы, Тихон Михалыч, также не откажете?

Спалкин. С охотою, мне с полдюжинки было надобно, да и столичек при этом. Видно, мастера приехали?

Ученосветов. Совсем напротив. Тут Мельпомена (11), музы, весь Парнас (12), грации, нимфы — все к нам переселилось.

Спалкин. Ого-го! Стеснят же они нас постоем! Да еще и депутат квартирный выехал из города. А что, эта команда равняется полку или баталиону?

Ученосветов. Совсем не то, совсем не то.

Явление шестое

Те же и городничий.

Городничий. Здравствуйте, мои почтенные гости! Замучился своею должностию.

Спалкин. Что? Никак много дел столкнулось? Или нет ли чего важного?

Городничий. Ничего особенного, а знаете нашу обязанность: тут просители, тут бумаги; все утро прохлопотал, а между тем и почта пришла.

Все (*особо вскрикивают*). Пришла? Что нового? Получены ли газеты, журналы?

Городничий. Ничего, ничего не знаю. Лука Семеныч обещал, разобрав, сам принести.

Несколько голосов. Ах, как бы скорее!

Явление седьмое

Те же и Домна Фоминишна, разодетая.

Домна Фоминишна. Имею честь свидетельствовать мое усердное почтение!

Мужчины подходят к ней к руке.

Матрена Степановна (*дочери*). Как разгардеробирована! Истинно как созерцаю картинку при «Телеграфе».

Городничий. Здравствуйте, сестрица! Я с вами от хлопот и забот нынче утром и не видался.

Домна Фоминишна. Сказывают, почта пришла? Где журналы?

Городничий. Еще не приносили. Желательно что-нибудь хорошее получить.

Матрена Степановна. Наконец посредством моего тонкого проницания я нахожу, что сия складочка заимствована вами из «Дамского журнала».

Домна Фоминишна. Пощадите меня! Это точь-в-точь, яснее сказать — отпечаток «Телеграфа». Разве гравировщик одного позаимствовался от другого.

Матрена Степановна. Это не может быть. Я поспорю и докажу вам.

Ученосветов. Пока до общих известий, имею честь вам, как градоначальнику, сообщить, а вам, как почтеннейшей публике, объявить, что сей день в нашем городе будет чрезвычайное происшествие.

Городничий (*торопливо схватив его за руку*). Что такое? Говорите, пожалуйста, прямо.

Ученосветов. Позвольте письменно.

Городничий (*с большим беспокойством*). Да что такое? Скажите скорее.

Ученосветов (*важно*). Путешествующая труппа актеров, прибыв в сей город, желает почтеннейшей публике оно доставить удовольствие своими представлениями.

Домна Фоминишна. Ах, восторг! У нас театр!

Ученосветов. Точно так. Труппа сия чрез меня, временно принявшего на себя звание директора театра, прибегает под покровительство г. градоначальника и просит его позволения показать свои таланты пред любителями изящного.

Городничий. Охотно, братец; но не спросить ли у высшего начальства дозволения?

Ученосветов. Помилуйте, на что! В прошлую ярмарку вы решились позволить плясать собачкам на площади; а это одно и то же: все относится к статье о зрелищах. Насчет же пьес не беспокойтесь; я цензуровал репертуар и не нашел ничего противного. Итак, если позволите, вот и афишка.

Матрена Степановна. Ах, читайте скорее. Я люблю слушать афишки.

Эйжени. Не вашего ли она сочинения?

Ученосветов. Отгадали. Впрочем, это не первая афишка выходит из-под пера моего. (*Читает.*)

«С дозволения местных градского и ученого начальств. Сегодня на здешнем театре представлена будет трагедия «Дмитрий Донской», исправленная и умноженная пением,

русской и цыганской плясками. Сию афишку печатать позволяю. Смотритель уездных училищ 9-го класса Афиноген Ученосветов».

Домна Фоминишна. Ах, как будет это превосходно!

Матрена Степановна. Вы восхитите наши чувства до неизъяснимости. Я уже чувствую слезу на веждах моих.

Анна Петровна. Трагедия с плясками. Это что-то новое!

Ученосветов. Совершенно новое и моего изобретения.

Эйжени. Совсем не новое. Я видала на харьковском театре, что пляшут и сражаются.

Ученосветов. Это и я видел. Но то был балет и там танцевали, а здесь пропляшут, да еще в трагедии.

Анна Петровна. Не татары ли будут петь?

Ученосветов. Нет. Пение будет в V действии, когда Димитрий, изнемогая от ран, упадет на камень. Так тут он и весьма кстати пропоет арию из оперы «Ям»: «Тебя я в сердце заключаю, о Ксения, рай моих очей!»

Анна Петровна. Не он ли тут же кстати и пропляшет?

Ученосветов. О, извините. Первому лицу не токмо в трагедии, но даже в опере не следует плясать. Исключение сие позволено одному мельнику (13) во уважение того, что он тут вполпьяна. А у нас пропляшет Лиза, маленькая плутовка в роли Избраны, пред Ксениею, в начале 2-го действия, под песню из «Русалки» (14): «Я цыганка молодая», и проч.

Городничий. Воля твоя, Афиноген Валентинович! На такие новости я не могу вдруг решиться. Посмотрю в должность свою, чтоб не получить, знаешь, нахлобучки. Собирайтесь, объявляйте, я позволяю, — но пьесу посмотрю.

Домна Фоминишна. Как будет цена? Яснее сказать, сколько платится за вход?

Ученосветов. Сегодня не в счет абонемента, т. е. платят по произволению.

Спалкин. Нельзя ли тут же для меня выпустить жида, что в корчме? Уж как смешон! И все ваши театры пред ним ничто.

Явление восьмое

Те же и Печаталкин с пакетами.

Все. Почта! Почта! Давайте скорее!

Городничий (*приняв пакеты, читает и раздает*). «Дамский журнал»...

Матрена Степановна (*хватает*). Ко мне, ко мне! Вот картинка! Вот источник душевных наслаждений! Милый! Он даже будто улыбается.

Городничий. «Сенатские ведомости»... (15)

Спалкин. Это по моему департаменту.

Городничий. «Северная пчела»... (16)

Анна Петровна. Пожалуйте мне. К ней не скоро здесь очередь доходит.

Городничий. «Телеграф»...

Домна Фоминишна. Мой истинный друг! Глубина премудрости! Высшие взгляды! От него я чувствую, что делаюсь умнее.

Городничий. «Инвалид» (17) преимущественно мне. Но теперь письма. Анюточка, письмо к тебе, а прочие все ко мне.

Анна Петровна (*оставляет газету*). Ах! Письмо от Софьи! Насилу его дождалась.

Ученосветов. Свободную «Северную пчелу» беру я. Нет ли нападков на нашу братью? А жалиться мастерица!

Все читают свое тихо. Анна Петровна иногда утирает слезы.

Городничий (*прочитав несколько бумаг и писем*). Вот важная новость! Слушайте, слушайте все. Это ко всем касается.

Все (*к нему подбегают*). Что, что такое? Читайте!

Одна Анна Петровна не обращает ни на что внимания и читает особо, тихо.

Городничий. Это пишет ко мне один из служащих в губернской канцелярии, он у меня на пенсии.

(*Читает.*)

«Почтенный благодетель Фома Фомич! Имею честь поздравить вас с наступлением теплой погоды и приятных дней и чрез сие напомнить, что скоро сблизится время третнему от вас окладу. При сем прошу вместо положенной мне по штату провизии доставлять деньгами по справочным ценам. Это будет круглее и по нынешним неприятным временам осторожнее. При сем извещаю вас, что его превосходительство г. губернатор получил какие-то бумаги из Петербурга, но еще к нам не переданы, и потому мне неизвестно их содержание, а когда узнаю, то сообщу. Копию с предписаний, заготавливаемых к вам, при сем посылаю: приготовьте все заранее и по получении непременно отвечайте, чтобы вас похвалили. При сем спешу вас уведомить: держите ухо востро! Чрез ваш город поедет важная и знатная особа, но кто — неизвестно. Г. губернатор с ним с аттенциею. Многого писать не смею; он едет якобы в Крым, но имейте предосторожность. Он выезжает завтра и по расчету будет вместе с сим письмом. Затем и проч.» Ну что нам делать? А?

Спалкин. Что делать? Обедать, потом соснуть, а там... увидим, что будет.

Городничий. Худой ты, брат, советчик! Я весь в жару, и мороз по коже подирает. Ума не приберу, что и делать! А уж с обедом подождем... Кто бы это такой? «Важная и знатная особа...» Верно, ревизор.

Спалкин. Ну, так принять и угостить получше; а завтра гладенько примемся за дело.

Матрена Степановна. Не составить ли для поспешности на скорую руку танцевальное занятие, чтобы показать наших юных отраслей?

Ученосветов. Но только после театра.

Домна Фоминишна. В самом деле, из театра просить сюда, где составить род благородного собрания. Тут Анюта на флигеле сыграет вариации, а прочие девицы попрыгают.

Спалкин. Да где и квартиру отведете? Не очистить ли волостного правления? Там простор.

Городничий. Что вы? Как это можно! Квартира должна быть у меня. Но как принять? Как встретить?

Печаталкин (*оставя газеты*). Послушайте моего совета. Отправимся все по домам и поспешим надеть мундиры. Кто его знает, что он? Честь всегда лучше бесчестья. А собираться здесь же, и скорее.

Городничий. Дело, Лука Семенович, дело. Между тем... между тем... что бы?

Печаталкин. Вы прикажите своему Шарину, чтобы не прозевал на заставе и уведомил бы вас прежде, а до того не лишнее бы и город поприбрать. Мы же его у вас встретим, явимся по службе, а прочее узнаем от него.

Городничий. Славно, славно мы придумали!

Матрена Степановна. А прекрасный пол, то есть мы, должен ли тут же при сем торжественном событии присутствовать?

Ученосветов. Непременно, сударыня, — для украшения, развлечения и одушевления.

Эйжени. Ма шер маман! Надобно принарядиться. Что я надену?

Матрена Степановна. Вот наш путеводитель в моих объятых. Он укажет нам путь пристойности.

Городничий. Итак, господа, теперь до свиданья! Пожалуйте, не опоздайте; поспешите собраться.

Все (*уходят*). Непременно будем, будем.

Спалкин (*медленно уходя*). Эка суматоха! Ниже водки не подали. Теперь когда сядем за стол? Прощай, день! Да еще и мундириться надобно. О служба, служба!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Явление первое

Городничий и Шарин.

Городничий. Что же, друг мой Кондрат Наумыч! Все ли у нас делается, все ли приготавливается?

Шарин. Кажись, все будет исправно: улицы метут, пыль столбом, свету Божьего не видать.

Городничий. Ну вот то-то же. Как пыль подняли, а она к приезду ревизора не уляжется? Прикажи поливать пожарными трубами.

Шарин. Да где их взять? Одна была сколько-нибудь годная, да при прошедшем пожаре как испортили, так и теперь без починки. Голове хоть не приказывай, — говорит, денег нету; а как на крестины, так нашел. Такой пир поднял, что на, поди!

Городничий. О мошенники! Да я за них примусь, дай только спровадить ревизора. Теперь дело не о том. Надобно, что понужнее, исправить. Послушай, вот что.

Шарин на всякое приказание очень часто повторяет: «Слушаю-с».

Ведь у нас нет тротуаров, — так на нижней улице заборы снять, ревизор туда не поедет, да доски на большой улице положить везде, прибавив кое-как колышками. Вместо фонарных столбов найди чего-нибудь, умудрись; да лицевые стороны подмазать сажей, дегтем, что ли, как знаешь. Чтобы во время пребывания ревизора не произошло пожара, — везде у бедных запечатать печи, пусть пока на сухоядении пробудут. На мосте перила

некрашенные? Тут не знаю, как быть! Собрать разве народу побольше, будто собрались глядеть на ревизора, и велеть им собою покрыть перила; пусть хоть и обрушатся, река не глубока...

Шарин. Помилуйте, Фома Фомич! Столько приказаний, а мне еще надобно начать следствие по горячим следам о третьеводнишной покраже лошади.

Городничий. Помилуй, братец, что же нужнее? Откроем и воров, дай-ка нам благополучно пропустить ревизора. Ведь как отрешат, так хуже, нежели только голову помоят. Прямой ты, Шарин; все бы тебе шарить по следствиям, а благочиние нужнее.

Шарин. Да, еще как прикажете: острог у нас не в порядке.

Городничий. Как? Что там такое?

Шарин. Арестантов мало, всего только пять человек, но что это против такой огромности! Много казарм пустых. Чтобы не подумали, что арестанты нами распущены, так не набрать ли кого зря да порассадить по порядку?

Городничий. Что ты, Кондрат Наумыч! Да это не наша вина. Мало воров! Не мы в том виноваты, а у нас бы никто не ушел. Что есть по списку, то и покажем... Ну, так вот слушай же: исполнить все, что я приказал.

Входит Отчетин.

Здравствуй, мой любезный Василий Авдеич! Каково поживаешь?

(Шарину.)

Забегу в полицию, скажи секретарю...

(Отчетину.)

Давненько я тебя не видал...

(Шарину.)

Чтобы бумаги были исправны.

(Отчетину.)

Давно ли приехал?

(Шарину.)

Жителей собрать на встречу побольше, и чтобы все были в праздничных кафтанах.

(Отчетину.)

Где остановился и надолго ли к нам?

(Шарину.)

Посади кого порасторопнее на колокольню, и чуть увидит экипаж, чтобы сломя голову...

Шарин. Трезвонил?

Городничий. И, на что это! Чтобы бежал сюда с известием.

(Отчетину.)

Извини, друг, я в ужасном беспокойстве.

(Шарину.)

А сам стань на заставе, встретить гостя и препроводи ко мне на квартиру. Ну, поди! Пожалуйста же, не прозевай ничего. Слышишь?

Шарин *(уходя)*. Слушаю, слушаю-с.

Явление второе

Городничий и Отчетин.

Отчетин. Да скажите мне, что это у вас за суматоха? Весь народ на улице; чистят, метут; курева такая, что глядеть нельзя. Возят, кричат. Что это? Для чего?

Городничий. Ах, мой почтеннейший! Замучился совсем. К нам едет важная особа и чуть ли не ревизор, — так хлопот — несть конца.

Отчетин. Да не тот ли это гость, о котором ко мне пишут?

Городничий. Так и к тебе пишут? Точно, тот самый.

Отчетин. Так ведь он едет с целью. Где наша Анна Петровна? И ее нужно в наш совет.

Городничий. Бог с вами совсем! Теперь мне ни до чего нет дела. У меня еще тьма забот: все надобно обдумать, все распорядить...

Отчетин. Да, прежде приезда гостя надобно взять свои меры. К Анне Петровне сыскивается жених, — так подумать...

Городничий. Думайте вы и распоряжайте как угодно; а я до приезда ревизора не могу ни о чем партикулярном думать. Прощай, Василий Авдеич! До свиданья. Я пришлю к тебе Анюту.

(Уходит.)

Отчетин *(один)*. Эка суета любезная! Ни до чего ему нет дела. А кабы на свежую голову моя весточка, так бы принял большое участие. Что же это? И жених, и ревизор? Может быть, нашли предлог, чтобы за чем-нибудь отправить.

Явление третье

Анна Петровна и Отчетин.

Отчетин. Здравствуйте, сударыня Анна Петровна! Пожалуйте мне вашу руку. *(Целует руку.)* Благодарю Бога, что вы здоровы, что еще в эти месяцы подросли и стали еще больше походить на вашу маменьку.

Анна Петровна. Вы всегда ко мне с комплиментами. Как давно я вас не видала! Что это вы к нам не ездили?

Отчетин. Заботы, сударыня, по вашей же экономии. Делал расчет со всеми арендаторами; снимал фабрики, материалы по контрактам и всилу все уладил. Уж не прогневайтесь: чтобы очистить все дела к сдаче, должен был худо торговавшим откупщикам вашим именем простить тысяч до семи.

Анна Петровна. Благодарю вас, мой почтенный благодетель! От всего сердца благодарю и прошу вас, руководствуясь чувствами вашими, всегда так употреблять мое имя. Но о какой сдаче вы говорите?

Отчетин. О сдаче вашего имения вам.

Анна Петровна. Что это вы говорите? Я ни за что в свете не хочу его принимать от вас.

Отчетин. Должны, Анна Петровна, должны; закон велит отдать имение в ваше управление. Я уже и рапорт в опеку изготавил, что вам исполнилось семнадцать лет.

Анна Петровна. Ах, какие же вы неделикатные! Говорят, что очень неучтиво открывать лета девиц. Это уж по-институтски — говорить настоящие годы. Но шутки в сторону: как я могу управлять своим именем? Я полагаю, что благодетельные законы пекутся и о людях в моем положении и, верно, дают нам советника, защитника?

Отчетин. Точно. Вы должны просить себе попечителя.

Анна Петровна (*с радостью*). Ну, так я буду вас просить, буду просить правительство, чтобы вы навсегда были моим попечителем.

Отчетин. Это невозможно. Сыщутся люди, которые помешают. Вот письмо, которое я получил из Петербурга. Выслушайте, что к вам относится... После приветствия и прочего вот что пишут: «Почти вместе с сим письмом отправляется к вам по службе мой добрый приятель. Через него я уже писал к вам. А теперь предупреждаю, что он имеет намерение искать руки вашей Анны Петровны Любимовой, которую он заметил в собраниях, бывших в институте. Дружбою умоляю вас содействовать ему в этом деле. Я об нем ничего не скажу; вы его узнаете. Министр желает этого союза; я же буду в полной радости, да, думаю, и вы не менее, потому что этим устроится счастье дочери незабвенного моего друга, с которой я хоть лично и не знаком, но, слыша о ней, почитаю и люблю ее. Помни меня и проч. Тимофей Добротворов».

Анна Петровна. А, Тимофей Иванович! Благодарю тебя, почтенный Добротворов, за дружбу твою и попечение о судьбе сироты!.. О родители мои! благодарю вас, что вы при жизни приобрели добрых, истинных друзей, которые любят вас в дочери вашей! Благодарю и вас, мой добрый друг Василий Авдеевич, что вы не оставили меня в сиротстве. Не сохранением имения вы меня облагодетельствовали, нет! Вы мне доставили воспитание; чрез него ум мой образовался, сердце умеет чувствовать, правила мои тверды, и, следуя им, я во всяком обстоятельстве покойна.

Отчетин. А жених-то, кажется, едет уже. Его-то, еще не зная, ожидают здесь с такими приготовлениями. Добрый ваш дядюшка в ужасных хлопотах, не уделит даже времени поговорить со мною; с тетушкой же вашей я еще и не видался. Итак, пусть его едет: мы его порассмотрим. Я только прошу вас быть ко мне откровенною.

Анна Петровна. О благодетель мой! могу ли я быть пред вами в чем-нибудь скрытною? Но скажите мне: неужели не могу я оставаться в теперешнем положении и не выходить замуж?

Отчетин. Девушке не выходить замуж непростительно, когда представляется человек, желающий и могущий устроить ее счастье. Конечно, лучше также век оставаться в девках, нежели соединять судьбу свою с человеком, не могущим быть ни другом, ни подпорою. Но, с другой стороны, вы еще не знаете, как в публике трактуется пожилая девушка!

Анна Петровна. Очень знаю; при воспитании нашем все изъяснено, но вместе с тем мы получили наставления, как переносить все; и потому, что мне нужды до злословий, до людских пересудов, до их насмешек? Я живу по собственной воле, руководствуюсь данными мне правилами, буду заботиться о своих подчиненных и об устройстве их счастья.

Отчетин. Все так, Анна Петровна. Но вам замуж идти должно, а особливо ежели рекомендуемый жених достоин вас.

Анна Петровна. Увидим! Не оставьте только меня в этом важном случае. (*Шутя.*) Только какой же это incogniti проказник! Заметил будто меня между сотнею моих подруг, которые все и красивее, и знатней, и богаче меня.

Явление четвертое

Те же, Матрена Степановна и Эйжени.

Эйжени. Nous voilà! Nous sommes déjà prêtes.

Матрена Степановна (*после церемонных книксенов*). Кончив свои упражнения в необходимости, я имею честь явиться на воззрение ваше. Скажите чистосердечно: сделала ли я хотя малейшее отступление от правил, начертанных в «Дамском журнале»?

Эйжени. Скажите мне со всею откровенностию друга: хорошо ли я одета? Не недостает ли еще чего?

Анна Петровна. Я в этом так неопытна, что не смею сказать своего мнения.

Эйжени. Я теперь точно так одета, как в пансионе мадам Торшон во время публичного экзамена, и тогда наш учитель поэзии чрезвычайно меня хвалил и не отходил от меня во весь вечер.

Матрена Степановна. А вы, милая, не прогневайтесь за истину, слишком просто одеты и, одним словом, — как были в утреннее время, так и теперь. Я люблю справедливо изъясняться, хотя один писатель и сказал: говорить правду — потерять дружбу.

Анна Петровна. Наряд мой всегда один — он мне нравится; за советы я вам очень благодарна.

Явление пятое

Те же и Домна Фоминишна, также разряженная в пух.

Домна Фоминишна. Извините меня, почтенные гости, что я замедлила своим выходом. Приступая к такому торжественному случаю, надобно все предусмотреть, чтобы ничего не пропустить. Ах, Матрена Степановна! С каким вкусом! Да и милая ваша Евгения Кузьминишна...

Матрена Степановна. При моем гардеробе меня одушевлял патриотизм. Покажем жителям столицы, что и мы читаем журналы. Сказать правду, костюм ваш уверит в этом каждого.

Домна Фоминишна. Признаюсь, что первая моя забота, чтобы просто, яснее сказать, опрятно одеться, — не отступая, впрочем, от несравненного «Телеграфа». Но ты, милая Аннета, ты на кого похожа? Встречать такую особу, с ним обедать, быть в спектакле и, может быть, удостоиться чести с ним танцевать — и быть так просто одетой! На что это похоже?

Анна Петровна. Я полагаю, что этот наряд весьма пристал девице.

Домна Фоминишна. Но, не прогневайся, тебя сочтут не тем, чем ты есть: тебя сочтут бедной девушкой. Впрочем, вы, сударыня, ученые, вы все знаете. Или вы хотите играть ролю Сандрильоны (18)?

Анна Петровна (*в сторону*). О Боже!

(*Идет к Отчетину и тихо с ним разговаривает.*)

Матрена Степановна. Оставь ее, милая, в погружении неведения... Теперь я обращаюсь к тебе как к другу, к коему питаю дружбу, на чистейшем дружестве утвержденную. Докажите мне дружеское ваше расположение и дружеское участие в содействии.

Домна Фоминишна. В чем только могу, дорогая Матрена Степановна! Я вся к вашим услугам — прикажите.

Матрена Степановна. Евгаша! Отойти и займись хоть с Анною Петровною. Ее-то хочу вверить в благосклонное ваше расположение. Ежели, паче чаяния... в чем нет сомнения и смело уверена... ожидаемый вельможа не имеет супружеского обязательства... в таком благоприятном случае... замолвить, рекомендовать, похвалить мою Евгашу и, как сказал один писатель, товар лицом продать.

Домна Фоминишна. О, со всею готовностью, моя дорогая!

Матрена Степановна. Итак, мы заключаем дружеский альянец.

Целуются.

Но скажите мне: неужели казначейша с дочерьми отделяет себя от нашего круга?

Домна Фоминишна. Я ее не зову. Она должна мне еще майским визитом. В спектакле она будет. Дочери ее нам не опасны. Исправничиха поскакала с мужем на следствие: боится одного отпустить.

Хохочут.

Сзывать же секретарш на такой предмет — я почитаю для себя унижительным.

Явление шестое

Те же и Ученосветов, в мундире; целует руки дамам.

Ученосветов. Итак, наконец все готово!

Домна Фоминишна. Как я рада!.. Помостили тротуары, поставили столбы?

Ученосветов. Все не то, сударыня! Все готово у меня в театре.

Матрена Степановна. Милый директор наших восторгов! Для нас же, для отличного класса особ и для почетных дам, верно, ложи будут?

Ученосветов. Все придумаю и устрою. Теперь еще, сударыни, позвольте вас просить одолжить мне зеленого тафтяного полога и беличьей куцавейки.

Анна Петровна. Не вы ли в куцавейке под пологом будете сидеть?

Ученосветов. О нет, сударыня! Я директор, я не могу быть скрыт, я должен действовать везде. Но в театральном гардеробе недостает Димитрию мантии, — так мы на него прицепим ваш полог; а куцавейку, как покороचे, взденем на князя Тверского.

Матрена Степановна. О тонкий изобретатель!.. Но есть ли музыкальный хор?

Ученосветов. Ниже балалайки во всем городе. Я бы просил, по случаю всерадостнейшего прибытия в наш город г. Н. Н., — а более не знаю, — чтобы девицы на фортепиано...

Матрена Степановна. Ах, это бесподобно, ежели бы они коснулись гармонии и поразили мелодические части слуха!

Явление седьмое

Те же и Спалкин, в мундире; целует руки дам.

Спалкин (*подходя к каждой*). Домна Фоминишна!.. Матрена Степановна!.. Анна Петровна... Евгения Кузьминишна... (*Кланяется.*) Василий Авдеич!.. Афиноген Валентинович!.. Ну да и встреча! На улице народу, точно как на выборах, — и на заборах, и на крышах. Да и честь отдать начальству: прибрали наш городок, как невесту к венцу... Я рассматривал ваши отчеты, Василий Авдеич, и у меня встретились некоторые сомнения.

Отходят к стороне, говорят. Все лица говорят между собою тихо, а девицы подходят ближе к сцене.

Эйжени. Vous m'avez dit, что в вашем институте дали вам понятие о замужестве с вельможами и богатыми... Верно, вы знаете средство, как их привлекать к себе, — сделайте одолжение, научите и меня. Мне хотя madame Вашер и говорила, но все не полно. Dites moi, je vous en prie.

Анна Петровна. Ах, как вы ошибаетесь, ежели думаете, что нам в институте дают такие правила.

Эйжени. Mais vous avez dit cela.

Анна Петровна. Прежде всего помните наше условие: говорить по-русски. Мы как-то различно объясняемся на этом языке. Нам в институте внушено, что девица, если будет так счастлива, что человек благородных правил изберет ее в подруги жизни, — должна считать это за честь, не смотреть на богатство, на знатность, на молодость, но отдавать преимущество доброте сердца, уму, сходству характеров.

Эйжени. Ах, какое ложное и смешное правило! Я же, следуя наставлениям мадам Вашер, Торшон и Гросваш, всегда отдам свою руку преимущественно молодому, богатому, знатному, хоть и не совсем чистому, чем доброму да честному голяку... Ah, ma chère! Ежели бы этот посланник, которого ожидают, был бы не женат, — тогда все употреблю, чтоб его поймать; ежели же еще он к этому жантильный, тогда я на все пойду.

Анна Петровна. Чтоб после целый век проливать жантильные слезы...

Эйжени. Какая мне нужда до будущего, ежели я три-четыре года проживу в роскоши и изобилии. Madame Вашер dit...

Явление восьмое

Те же и городничий, в полном мундире, со шляпою и с рапортом за кафтаном.

Городничий. Насилу управилась! Теперь милости просим: не ударим лицом в грязь. Кажется, что без рекомендации об нас не отъедет.

Спалкин. Да кто он такой? В каком чине? Как его титуловать?

Городничий. Я долго об этом рассуждал. Вот рапорт о благосостоянии города, но без всякого титула и имени... просто. А титуловать превосходительством или сиятельством, — кто знает?

Ученосветов. Будем его называть: милостивый государь! Это ко всякому идет.

Матрена Степановна. Но нужно сделать и комнатное приличие. Научите нас, где кому стоять.

Городничий (*бегая и расставляя всех*). Да, в самом деле, это необходимо... Вот он так входит в дверь, кланяется; невольно обращается влево — тут я ему рапорт в руки и явлюсь как должно. За мною чиновники по порядку... Ну, вот жаль, что предводителя нет в городе! Так ты, Василий Авдеич, за дворянство, стань здесь. Ох! да ты не в мундире! Как тут быть?

Отчетин. Ну, ничего; скажите, по вольности дворянства.

Городничий. Хорошо, так вы здесь; тут гражданские чиновники, то есть стряпчий и казначей. Да что же они не едут? Вот ведь какие! Тут ученая часть, то есть вы, Афиноген Валентинович... Ну, брат Тихон Михайлович! Ты тут стань прежде за предводителя дворянства, а после сюда перебеги за чиновником. Уф! устал.

Явление девятое

Те же и Шарин, вбегает.

Шарин. Фома Фомич! Как ревизор в улицы въедет, не прикажете ли кричать «ура»?

Городничий (*в суете*). Сам не знаю. Посоветуйте, как бы лучше?

Спалкин. Кажется, зачем?

Ученосветов. Нет, не должно. А не лучше ли велеть петь веселые песни, например: «Вы раздайтесь, расступитесь, добры люди». Как жаль, что времени мало, — я бы приделал к песне куплеты, приличные сему случаю.

Городничий. То-то ведь, всего не обдумаешь. Ну, Шарин, иди и умудрись, как знаешь. Внешняя встреча по твоей части.

Шарин. Гаркнем же мы так, что небу жарко будет!

(*Уходит.*)

Матрена Степановна. Мы же — пол прекрасный — где должны основать свое пребывание?

Городничий. Вы, сестрица, как хозяйка, здесь направо; а за вами...

Домна Фоминишна. Ах, братец, пощадите меня! Ведь я девушка; как же мне вперед соваться?.. Есть дамы...

Городничий. Правда, правда, я и забыл. Так вы, Матрена Степановна, станете вперед; но несколько отступя от линии, чтоб показать, что это место хозяйкино... Вот он обратится к вам — я подбегу и скажу: имею честь представить Матрену Степановну, супругу уездного стряпчего Кусакина. Вы же, сестрица, станете уже здесь, но в линии, чтобы он видел, что нашего дому; я к вам его подведу.

Явление десятое

Те же и Печаталкин, в мундире.

Печаталкин (*торопливо*). Маховой с колокольни закричал, что ревизор едет.

Городничий (*суетливо*). Так он точно ревизор?.. Видите ли, я угадал... У! еще больше работы прибавилось. По местам!

Все суетятся, занимают места невпопад, перебегают, друг друга толкают.

(Суетившийся больше всех, запыхался и кричит.) Сюда!.. А вы сюда!

В эту суматоху входит майор Милов.

(Увидя Милова.)

Тише! Тише!

(Является к Милову.)

Честь имею... У!

Печаталкин перешел к дамам; городничий тащит его.

Куда ты, братец! Не так распоряджено.

(Милову.)

Честь имею явиться, я...

Печаталкин подошел к нему близко; городничий его отталкивает.

Да не мешай, братец! Стань с порядочными людьми.

Милов в изумлении оборачивается к дамам.

(Забегает к нему.)

Да пожалуйста, прежде сюда надобно смотреть... Честь имею явиться, я...
(Задыхаясь). У! у! у!

Спалкин (выступает). Градоначальник, только крепко запыхался.

Шарин (вбегает опрометью, всех и самого Милова расталкивает и кричит).
Постойте, постойте, не встречайте, это не он, это не он, — это так, проезжий; а ревизор вот подъезжает к крыльцу!

Городничий (с досадою). Ах, что это наделали! И кого это встречали! Зачем без дела приезжают!.. Где же рапорт?.. Мой рапорт!..

(Бегает, суетится, толкает не раз Милова и наконец находит рапорт.)

Милов же, при входе еще пораженный суматохою и необыкновенным положением присутствующих, остается без всякого движения и только поглядывает на шумящих. Когда же его Шарин и городничий затолкали, то он, сказав: «Куда это я попался? Здесь, видно, дом сумасшедших!» — уходит поспешно. Отчетин хотя и повиновался городничему в занятии места, но после отошел в сторону и, ни на что не обращая внимания и даже не приметив прихода Милова, размышляет сам с собою: «Зачем попал я в эту комедию?»

(Сколько можно приводя всех в порядок.)

Вот там... сюда... стойте же чинно!.. У! все готово... Ох! Он ли еще теперь?

Явление одиннадцатое

Шарин (отворяя с шумом дверь, кричит). Тс... Тс... идет... идет!

Пустолобов входит важно, с важными приемами и, пройдя всех без внимания, останавливается посреди комнаты.

Городничий (видя, что он обращается в противную от него сторону, забегает к нему). Честь имею явиться, я... здешний городничий, и донести о благосостоянии города.
(К дамам.) Переходите же туда, а вы, господа, станьте здесь уже; видите, он не туда повернулся, как мы располагали.

Опять суета и толкотня.

Пустолобов (*прочитав рапорт*). Благодарю вас, господин городничий, за порядок в городе. При первом воззрении я замечаю благоустройство, а там... увидим.

Городничий. Надеюсь, милостивый государь...

Пустолобов. Теперь прошу вас, любезный городничий, представить мне... кажется, чиновников здешнего города? Есть список?

Городничий. Извините — из ума вон, но все равно. Вот г. уездный судья.

Спалкин (*подходя и кланяясь*). В отставке майор, уездным судьей другой курс, — Тихон Михайлов, сын Спалкин.

Пустолобов. Это делает вам честь. Я надеюсь, что в суде у вас большой порядок...

Спалкин. Надеюсь при обозрении вашем заслужить одобрение.

Пустолобов. Да, да, я буду у вас. (*Заметив Ученосветова, смешался и избегает его взоров; к Печаталкину.*) Г-н. почтмейстер?

Печаталкин. Здешний почтовый экспедитор, Лука Семенов, сын Печаталкин.

Пустолобов. Я буду иметь к вам особые отношения после. А это кто?

Городничий. Сейчас приехавший из деревни помещик, а потому без мундира. Но вот — прежде дамы.

Дамы, исключая Анну Петровну, стараются выставиться и быть прежде отрекомендованными, отчего городничий путается в словах.

Это... да, вот это — жена... то есть сестра... своей матери... стряпчего супруга... родная моя... нет, жена, хозяйка. Да, ну, кончено уже.

Пустолобов каждой почтительно кланяется.

(Взяв племянницу за руку.)

Теперь позвольте...

Матрена Степановна (*подступая к Пустолобову*). Соединенная священным браком...

Домна Фоминишна (*оттирая ее*). Родная его сестра...

Эйжени (*также оттирая прочих*). Маменьки моей дочь, Эйжени...

Городничий. Сирота, племянница...

Матрена Степановна. С здешним уездным стряпчим.

Домна Фоминишна. Живу в его доме...

Матрена Степановна. Мать сей отрасли...

Домна Фоминишна. Еще в девицах и незамужняя...

Эйжени. Вследствие данного мне воспитания...

Пустолобов. Имею честь свидетельствовать вам, милостивые государыни, мое усерднейшее почтение и рекомендоваться. Я предоставляю времени короче с вами познакомиться.

Матрена Степановна (*отходя от него, про себя*). «Предоставляю времени»!.. Грубиян!

Домна Фоминишна (*так же*). И к руке не подошел!

Эйжени (*тихо, с радостью*). Он на меня смотрел!

Анна Петровна (*освободясь от городничего, тихо*). Что из этого будет?

Ученосветов (*при первом появлении Пустолобова крепко изумившийся, все хочет к нему подойти. Когда же Пустолобов его обошел, тут он еще больше начал пробираться к нему; но каждая дама его отталкивала или заслоняла. Теперь, когда Пустолобов остался свободен, он подходит к нему*) Теперь позвольте мне, Владислав Трофимович, предложить вам мои объятия... и по старой дружбе...

Пустолобов (*отступая от него*). Старое нынче все изменилось. Вы должны наблюдать строжайшую скромность и молчание до особенной аудиенции.

Ученосветов (*в смущении*). Слушаю-с. (*Отходит в сторону.*) Эх он в какие люди выскочил!

Отчетин (*подходя к Пустолобову*). Теперь позвольте мне, милостивый государь, адресоваться к вам. Я Отчетин. Вы должны меня спросить.

Пустолобов (*гордо*). Почему бы это?

Отчетин. По письму г. Добротворова.

Пустолобов. Позвольте мне прежде познакомиться с этими фамилиями, а прочее предоставить времени...

Отчетин. Я полагаю, что вы изволите знать г. действительного статского советника (19) Добротворова? Я ожидал от него чрез вас письма.

Пустолобов. Да, Добротворова я помню, он служит по моей части, но... (*С насмешкою.*) не так с ним коротко знаком, чтобы взялся перевозить его письма ко всем. Довольно.

Отчетин (*отходя от него, тихо*). Странно, очень странно!

(*Говорит с Анною Петровною.*)

Городничий. Милостивый государь! Хотя правила вежливости и запрещают излишнее любопытство, но обязанность службы... извините меня... в рассуждении чина вашего и... имени, дабы...

Пустолобов. Пожалуйста, любезный городничий, со мною без чинов, и всех также прошу... исключая навязывающихся в короткое со мною знакомство. Но ежели нужно знать, то скажу вам, что я уже достиг до той степени, выше которой подобные мне не восходят.

Городничий, Ученосветов и Спалкин (*между собою*). О! Так. Превосходительный... Видите, превосходительный!

Пустолобов. А имя мое — Владислав Трофимович Пустолобов.

Отчетин (*в сторону*). Фамилии такой между знатными не слышать.

Спалкин (*все заглядывавший в боковую комнату, говорит городничему*). Просите кушать: уже давно стол готов.

Городничий. Ваше превосходительство! Смею просить: одолжите нас... разделив с нами хлеб-соль, чем Бог послал...

Пустолобов. С большим удовольствием. (*Смотря на дам.*) Кого прикажете?

Городничий. Кого угодно?

Пустолобов. Итак — позвольте быть Парисом...

(*Подает руку восхищенной Эйжени и ведет.*)

Матрена Степановна (*в восторге подает руку городничему*). Ах, какой умный! Какой образованный! Вот уж и видно столичное воспитание!

Домна Фоминишна (*подает руку Спалкину*). Невежа! Он первый раз в обществе. Ничего не знает и вкуса не имеет.

Анна Петровна (*идет с Отчетиным*). Чем вы разгадаете эту странность?

Отчетин. С ума схожу. Непонятно!

Печаталкин. Какое ко мне имеет дело? Увидим.

(*Также уходит.*)

Ученосветов Я все думаю: неужели наш повеса Пустолобов, выгнанный из университета за дурное поведение, теперь великий, важный и даже умный человек?..

(*Уходит.*)

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Явление первое

Пустолобов выходит из столовой; за ним городничий с почтением.

Пустолобов. К чему извинения, любезный городничий! Мы, знатные, утомясь всегдашнею пышностью, очень бываем рады, когда случай приведет нас к простоте. Откровенно вам скажу, я враг всякого этикета; но приличие — тиран нашей братьи, вельмож, — необходимо при лишних людях. Я с вами теперь прост, потому что вас полюбил; но при третьем, извините меня, я тотчас принимаю должное мне лицо... вашего начальника.

Городничий. Я никогда не забуду себя пред вашим превосходительством и, несмотря на милостивейшее ваше снисхождение, всегда помню разность и обязанность мою... Не изволите ли чего приказать? Или не угодно ли после дороги отдохнуть?

Пустолобов. Мне отдыхать? Что же было бы тогда с Россией, ежели бы я спал после обеда!.. Теперь я желаю дать каждому чиновнику особую аудиенцию. Введите ко мне — кого бы? — смотрителя училищ; я хочу приняться прежде за ученых.

Городничий уходит.

(*Один.*)

Прежде всего надобно сладить с старым приятелем, который знает все мои школьные проказы. Тонем покровителя, вельможи, заставить его уважать себя и молчать о прежних моих делах. Потом искусно выведать, нет ли где богатой невесты... Право! Чем черт не шутит! Мне же здесь что-то счастливее всех мест идет.

Явление второе

Пустолобов, городничий представляет Ученосветова.

Пустолобов (*городничему*). Оставьте нас, но не отлучайтесь далеко, я скоро вас спрошу.

Городничий выходит.

(*Ученосветову.*)

Особенной важности цель правительства — послать именно меня в некоторые губернии и более в здешнюю. Уважая государственные обстоятельства, я вынужден с знакомыми и родными быть совершенно чужим. Ах, ежели бы вы могли постигнуть все обязанности государственного человека! Вы едва не разрушили плана, три года обдумываемого нашею министериею...

Ученосветов. Помилуйте, ваше превосходительство, как?

Пустолобов. Тщеславием показать товарищам, что вельможа знаком с вами. Но, кроме государственной тайны, звания наши поставили нас далеко друг от друга. Конечно, вы могли полагать, что я тот же дерзкий шалун; но когда-нибудь вам открою, как я этой дерзости и... пусть так называют шалостию, но обдуманною, патриотическою, свергнул в пяти государствах первейших министров, взошел на степень, принял все в руки... и с тех пор утвердил равновесие в Европе... Более я вам не могу сказать...

(Важно.)

Запрещаю вам строжайше говорить, показывать, даже мыслить, что я с вами был знаком. Придет время, я вас награжу за это пожертвование. Поспешите мне доставить записку, что бы вам желалось получить, и подайте мне при всех, в виде должностной бумаги. Но малейшее слово, что вы меня давно знаете, или поступок ваш, объясняющий вашу со мною короткость, будет преследоваться всею властью моею... Довольно, вы — умный человек, должны понимать... Теперь отвечайте на мои вопросы: знаете ли вы по-французски?

Ученосветов. Довольно хорошо, но говорить не могу.

Пустолобов. Кто такова девица, которая за обедом одна только по-французски говорила?

Ученосветов. Евгения Кузьминишна, дочь здешнего стряпчего Кусакина.

Пустолобов. О чем она именно говорила? Расскажите мне и помните об этом до будущего случая.

Ученосветов. Во все продолжение стола она только говорила, в каких пансионах воспитывалась, кто были танцевальные учителя, какие танцы она превосходно танцует, сколько стоит ее воспитание... и более ни о чем не говорила.

Пустолобов *(будто без внимания)*. Стало, она богата?

Ученосветов. Совсем нет, ваше превосходительство; но как дочь стряпчего...

Пустолобов. Довольно, я вас понял. Эта фраза умножит мое донесение. Видите ли, как умные люди друг друга понимают? Вы знаете и уверены, что я столько же понял все ее французские рассказы... я жил долго во Франции... но вы смекнули, для чего я у вас спрашивал, тонко мне отвечали, и... все кончено. Я вас уверяю, что вы пойдете далеко. *(Будто без внимания.)* Другая девица кто?

Ученосветов. Племянница городничего — сирота...

Пустолобов *(так же)*. Без всякого состояния?

Ученосветов. О, напротив, ваше превосходительство! Состояние у нее очень большое. Городничий, ее дядя, опекун...

Пустолобов. И имеет на нее большое влияние?

Ученосветов. О ней заботится более всего тетка ее — сестра городничего, хозяйка...

Пустолобов. Как ее имя?

Ученосветов. Домна Фоминишна.

Пустолобов. Не она ли управляет и имением?

Ученосветов. Нет, ваше превосходительство, имение в распоряжении опекуна Отчетина, который давеча так неловко представился вашему превосходительству.

Пустолобов. А! помню. Видите ли, как тонко достиг я своей цели? Вот теперь добрался я до него! Понимаете ли вы меня?

Ученосветов. Могу ли я слабым рассудком постичь великие тонкости ума вашего превосходительства? И кто я, чтобы осмелился догадываться...

Пустолобов. Продолжайте только быть откровенным. Скоро ли она выйдет из опеки?

Ученосветов. Кажется, опекун за тем приехал в город, чтобы приступить к сдаче имения.

Пустолобов (*будто в размышлении*). Знав, как управлялось имение... сироте надобно пособить... С кем, вы полагаете, лучше говорить по сему предмету, с городничим или с сестрой?

Ученосветов. С ней лучше, ваше превосходительство! Он во всем, что касается до племянницы, следует советам сестры своей.

Пустолобов. Итак... я буду искать случая говорить с ней... но здесь все любопытствующие. Беда нам, знатным! Всякий шаг наш замечают, всякое слово подслушивают, перетолковывают. О драгоценная свобода!

Ученосветов. Ежели вашему превосходительству нужно что-нибудь секретно с ними объясниться, то не осчастливите ли своим посещением нынче вечером нашего спектакля?

Пустолобов. Какого спектакля?

Ученосветов. Труппа переезжающих артистов, то есть актеров, нынче дает в нашем городе представление под моею дирекциею. Итак, ежели ваше превосходительство удостоите слабые их таланты своим присутствием, — то я, как временный директор, устрою кресло вашего превосходительства подле ложи семейства городничего.

Пустолобов. Хорошо, я буду. Приготовьте мне место с должным к моему сану вниманием. Я апробую ваше рвение рассеивать публику, особливо во время моего здесь пребывания, чтобы отклонить их суждения о цели моего приезда... Гм! Вы, я думаю, смекнули теперь, что это моим распоряжением...

Ученосветов. Ах! теперь понимаю. Столько тонкости.

Пустолобов. Довольно, далее не распространяйтесь даже в догадках. Сколько у вас по училищу наличной суммы?

Ученосветов. 1 325 рублей с копейками.

Пустолобов. Да, точно так. Идите к своему месту, но помните — никому ни слова ни о чем, даже ни о части нашего разговора. Доставьте записку, и вы получите все... Можете слегка, как бы за тайну, похвалиться, что я вас милостиво принял. Довольно, подите.

Ученосветов, откланявшись, уходит.

(Пустолобов один.)

Очень изрядное состояние! Это хорошо! Надобно воспользоваться. При моей дерзости, при расположении здешних умов, при счастье — пуцусь к окончанию. Ах! ежели бы дерзостью составить состояние! Но очень нужно спешить, чтобы не поспешили за мною!

(Кличет.)

Господин городничий!

Городничий вошел.

Теперь по части финансов. Представьте мне казначея.

Городничий. Ваше превосходительство! Он... его нет в городе.

Пустолобов *(с сердцем)*. Где же он?

Городничий. У приятеля в деревне. Завтра рано будет.

Пустолобов. Ключи от кладовой у кого?

Городничий. С ним же; он никому не доверяет...

Пустолобов *(решительно)*. Он погиб навсегда! Нет средств меня упросить! Что я буду делать? *(Ходит в размышлении.)* Представьте мне чиновника почтового департамента.

Городничий. Экспедитора?

Пустолобов. Разумеется.

Городничий уходит.

Счастливая звезда казначея спасла его от беды. Не выпутался бы он у меня. Пошевелил бы я казенную кладовую!.. Надобно изыскивать другие средства. О! ежели бы удалось мне опутать экспедитора, ежели только не получил он чего на мой счет. Тогда я — не я; другого средства нет.

Явление третье

Пустолобов и Печаталкин.

Пустолобов. Давно ли вы и чем служите?

Печаталкин. Одиннадцать лет в службе, губернским секретарем третий год, а здесь экспедитором полтора года.

Пустолобов. Ваша служба известна высшему начальству. Подайте мне все бумаги, полученные вами обо мне.

Печаталкин. Я никаких не имею-с.

Пустолобов. Я требую настоятельно. Объясните мне по всей справедливости, или в противном случае... Бумаги, говорю я!

Печаталкин. Я объяснил вам, что ничего не получал.

Пустолобов. Откуда же узнали о моем прибытии? Я приказал губернскому почтмейстеру вас известить.

Печаталкин. Я ничего не получал. Городничий получил партикулярное уведомление из губернской канцелярии.

Пустолобов *(помолчав)*. Не получали ли вы извещения от вашего начальства, что будет чиновник для ревизии некоторых частей по станциям?

Печаталкин. Никак нет. Я ничего не получал.

Пустолобов. Вы откровенно говорите?

Печаталкин. Сущую правду.

Пустолобов. Хорошо, я вами доволен. Первейшим удовольствием для себя ставлю награждать подчиненных, и потому доставьте мне записку, что вы желаете получить: чин, орден, место или денежное награждение? Я вам все доставлю.

Печаталкин. Позвольте доложить, что служба моя так ничтожна, что я не смею и думать.

Пустолобов (*с сердцем*). Делайте, что вам велят, и не умничайте. Вам ли входить в виды правительства, что и для чего делается? Я так хочу, и так должно быть. Повторяю вам единожды навсегда: вы не должны не хотеть, чего хочет правительство. Я вам делаю величайшую доверенность; слушайте: я вам пришлю некоторые бумаги, которые вы вскоре принесете ко мне, якобы с эстафетой полученные на мое имя. При том нужен величайший секрет.

Печаталкин. Но как это сделать? Город невелик, все будут знать, что не было приезжей эстафеты.

Пустолобов. Вы должны умудриться; надеюсь на ваше благоразумие и скромность. Иначе... Сколько у вас налицо суммы?

Печаталкин. Двадцать семь рублей восемьдесят копеек.

Пустолобов. Что так мало?

Печаталкин. Собранная за истекший месяц отправлена в казначейство.

Пустолобов. Я проучу это казначейство! Идите к своему месту и пришлите надежного почтальона для принятия от меня нужных бумаг. Поступите осторожно... и вы будете мною довольны.

Печаталкин уходит.

Он что-то умничает и превосходительством меня не титуловал. Не отрешить ли его? У меня не долго!

(*Смеется.*)

Заварил же я кашу! Теперь надобно писать письма от должностных людей будто бы ко мне, а эстафет сейчас их и доставит. Бедное мое вельможество! Нет со мною ни портфеля, ни шкатулки; как-то удалось коляску выцыганить. И хотя она пустехонька, но два мужика с дубинами очень важно оберегают ее целость. Пора писать, чтобы достать скорее денег, а там примусь с дамами любезничать и поскорее приступлю к делу. Господин городничий!

Явление четвертое

Пустолобов и городничий, вбегает.

Городничий. Я здесь, ваше превосходительство! Что изволите приказать?

Пустолобов. Прием кончился. Объявите всем, имеющим ко мне нужду, что я несвободен до завтра. Где мой кабинет?

Городничий (*указывает на дверь*). Здесь, ваше превосходительство!

Пустолобов. Найду ли я там все нужное для письма?

Городничий. Все есть. Не изволите ли приказать нарядить кого для письмоводства к вашему превосходительству?

Пустолобов. Как это можно? Кому я поверю государственные дела? Когда в Петербурге не могли найти чиновника, кому бы поверить мое письмоводство, — то как же вы думаете здесь? Я сам пишу и немедленно отправляю с курьерами. Не имею даже шкатулки с собою, боясь и ей вверить тайны. Все, что есть у меня, все в голове.

Городничий. Ваше превосходительство! Позвольте мне беспокоить вас, может быть, и неуместным вопросом. Но милостивое ваше снисхождение ободряет меня. Какие части здесь изволите осматривать? Долго ли изволите пробыть и что еще нужно будет для...

Пустолобов (*берет его за плечо и оборачивает кругом*). Вы очень любопытны, любезный городничий! Мне только нужно, чтобы вы молчали и исполняли мои приказания. Обо всем узнаете после.

(*Уходит в кабинет.*)

Городничий (*один*). Что меня дернуло расспрашивать? Приметно, его превосходительство прогневался. Буду улаживать, чтобы опять так же милостив был.

Явление пятое

Городничий и Милов.

Милов. Позвольте мне, милостивый государь, прежде всего рекомендоваться вам — я майор Милов. Проезжая чрез здешний город...

Городничий. Ах, г. майор? Это вас мы давеча так конфузно встретили? Сделайте милость, извините меня. Знаете, проезд вельможи... Честь имею себя теперь рекомендовать.

Милов. Я, не знал о ваших заботах, пришел тогда отыскивать нужного мне человека и беспокоил вас посреди встречи ревизора...

Городничий. Видите, так он точно ревизор?

Милов. Право, я вовсе ничего не знаю, а здесь услышал, что есть приезжий ревизор. И на заставе ваш офицер меня за него принял. Мне нужно найти г. Отчетина, и, видя полицейских в заботах, я пришел вас беспокоить: не изволите ли знать чего о нем?

Городничий. О! он здесь ревизором большой важности. Теперь в кабинете занимается письмами к министрам...

Милов. Кто? Г. Отчетин?

Городничий. И, помилуйте! Его превосходительство, г. Пустолобов.

Милов. Пустолобов — превосходительство? Это что-то странно! Но г. Отчетин где?

Городничий. Он у меня... Василий Авдеич! Василий Авдеич!

Явление шестое

Те же и Отчетин.

Городничий. Вот, сударь, к вам гости. А меня извините, я займусь должностною и, возвратясь, буду иметь честь больше с вами познакомиться.

(*Уходит.*)

Отчетин. Позвольте узнать, с кем имею честь.

Милов. Я майор Милов. Знакомый ваш, Тимофей Иванович Добротворов, писал...

Отчетин. Довольно. Мы уже знакомы. И, позвольте сказать: мы уже знаем друг друга коротко.

Милов. Из благосклонного вашего отзыва я вижу, что вы получили его письмо, в котором он был...

Отчетин. Очень нескромен. Описал вас, как вы есть, и сказал о причине вашего приезда.

Милов (*скромно*). После того остается...

Отчетин. После этого нам остается, брося комплименты, говорить прямо и откровенно. Анну Петровну вы знаете; она вас не знает. Фому Фомича и сестрицу его вы не знаете, и они вас не знают. Следовательно, никто жениха и жених никого не знает, дела в порядке; но это ничего. Познакомимся, и желаю, чтобы все так же к вам расположились, как ваш покорнейший слуга. Ну, не мешает, чтобы кто-нибудь и поболее...

Милов (*взяв его за руку*). Благодарю вас от всего сердца за ваше расположение. Вот письмо, которое, надеюсь, поддержит доброе ваше мнение обо мне.

(*Подает письмо.*)

Отчетин. Содержание его отчасти мне известно; но мы прочтем его вместе с кем следует, и за ответ можно поручиться. Извините только, если мы вас позадержим здесь.

Милов. Я совершенно в вашей воле. И предписание начальства так милостиво, что я могу располагать своим временем и местопребыванием.

Отчетин. По какой части вы присланы сюда?

Милов. По части военного поселения. Но я все время могу пробыть здесь, в городе.

Отчетин. Тем лучше. А между тем, не уедет ли от нас этот ревизор. Тогда Фома Фомич будет совершенно наш, а теперь он в больших суетах, так ему ни о чем и не говори. Но я и забыл: соловья баснями не кормят. Я вас оставлю одного и приведу, с кем вам будет повеселее.

(*Уходит.*)

Милов (*один*). Дело идет хорошо, и я ободрился; а то первая встреча, признаюсь, очень странна была. Надобно много духу, чтобы предстать на осмотр девушке объявленным ее женихом. Это в своем роде стоит наших военных смотров. Воображаю, как и она будет при мне конфузиться, зная наперед, зачем я приехал. Но я что-то не в шутку потрушиваю! Что мне начать говорить? Что? Ничего. Пусть меня спрашивают. Добрый Василий Авдеевич пусть поддерживают. Ах, ежели бы уже первое знакомство кончилось!

Явление седьмое

Анна Петровна, Отчетин и Милов.

Отчетин. Вот, сударыня, мой приятель Василий Николаевич Милов. Он привез письмо от Тимофея Ивановича... ну, вот то самое, которое мы теперь прочли.

(*Отходит в сторону и смотрит на них.*)

Анна Петровна и Милов говорят с замешательством.

Милов (*помолчав*). Мне очень приятно, что я имел удовольствие доставить вам письмо от Тимофея Ивановича...

Анна Петровна. Благодарю вас. Здоров ли он?

Милов. Я его оставил здоровым...

Молчание.

Анна Петровна. Вы дяденьку еще не видали?

Милов. Имел честь видеть... но... Он мне сказал...

Опять молчание.

Отчетин (*подходя к ним*). Ха-ха-ха-ха! Что это значит? Скажите мне: вы, сударь, человек военный, храбрый, знаки отличия это доказывают; вы, Анна Петровна, учились хорошо и на экзаменах не молчали, доказательство тому полученный вами шифр за отличие. А теперь вы оба хотите говорить, и все как-то у вас не ладится. Ха-ха-ха-ха! Скажите, отчего бы это?

Анна Петровна. Сегодня к тому же и жарко...

Отчетин. «К тому же...»? К чему это?

Милов. Конечно... в первый раз...

Отчетин. Я вам лучше все растолкую. Вы, сударыня, берете первый урок в науке, которая доселе вам не была известна, а уже даете в ней экзамен. А вы, г. храбрый майор, привыкши покорять, теперь смиряетесь с тем, чтоб самому покориться. Ха-ха-ха!

Анна Петровна. Пощадите...

Милов. Ах, друг мой!

Отчетин. Пойдите, пойдите, молодые люди! Пока я теперь нужен, то буду вашим посредником; а там... со временем... разумеется... вы и меня, и все забудете. Кажется, что так... С чего бы начать, чтобы вас в разговор ввести? Да, знаю. Часто ли вы бывали в институте?

Милов. Довольно редко. После того я только в одном собрании был, и то ненадолго.

Анна Петровна. Ах, если бы мне удалось в жизни еще раз побывать там! Повидаться с друзьями, обходить все места, где я росла, играла, резвилась! Ах, какая это жизнь была!

Отчетин. Верим, верим. Начто же отчаиваться? Может быть, и скоро будете.

Милов. Ничего нет легче.

Отчетин. Видите ли? Г. майор знает к тому средство. Вот и хорошо; так мы к нему и прибегнем.

Милов. Вы все нападаете...

Отчетин. Теперь-то наше время. Никогда человек не бывает так драгоценен, как в то время, когда... чуть не проговорился... то есть, когда ему нечем защищаться против правды.

Явление восьмое

Те же и Домна Фоминишна.

Домна Фоминишна. Где же гость наш?

Отчетин. Вот он, Домна Фоминишна. Рекомендую вам, как тетушке Анны Петровны, моего хорошего приятеля, г. майора Милова Василия Николаевича.

Милов почтительно ей кланяется.

Домна Фоминишна (*с большими книксенами*). Рекомендую себя, милостивый государь. Какая для меня приятная нечаянность! Я искала или, яснее сказать, думала здесь найти нашего знаменитого приезжего, но вдруг поражена новым явлением. Вы, конечно, из штата ревизорского?

Милов. Никак нет, сударыня! Я не имею с ним ничего общего, а имею здесь особое препоручение.

Домна Фоминишна. Не новое ли какое следствие?

Милов. Напротив, сударыня, дело по военной части. И как главнейшее мое пребывание должно быть в городе, то я долгом почел искать знакомства г. градоначальника и потому осмелился представиться вам.

Домна Фоминишна. Очень рада приятному знакомству. И как теперь, по случаю необыкновенного происшествия, случившегося от приезда вельможи, учредились различные увеселения и сегодня объявлен театр и благородное собрание, то я вас прошу принять участие и быть.

Милов. С величайшим удовольствием, сударыня! Лестное приглашение...

Слышен из кабинета голос Пустолобова: «Господин городничий!»

Домна Фоминишна (*суетливо*). Ах, где брат? Его высокопревосходительство изволит кричать. (*Бежит его отыскивать и встречается с городничим.*) Беги скорей, вельможа тебя изволит спрашивать.

Городничий. Я уже слышал, сейчас буду. (*Оправляется и входит в кабинет.*)

Домна Фоминишна. Я полагаю, что во все время служения брата моего, или, яснее сказать, как находится он при сей должности, — не было для него такого критического положения. Вообразите: без всякого посредства, лицом к лицу, яснее сказать, прямо быть пред таким великим человеком; это неподражаемо! Но и брата моего станет на это; он найдется на все.

Городничий (*выходит*). Его превосходительство желает быть в этой комнате и поручил мне, чтобы никого не было, кроме тебя, сестрица. Он с тобой о чем-то хочет говорить.

Домна Фоминишна. Со мной? Что такое? (*Охорашивается и поправляется.*)

Милов (*городничему*). Итак, позвольте мне засвидетельствовать вам свое почтение, искать случая в другой раз.

Городничий. После проезда вельможи во всякое время, а теперь...

Отчетин. Напротив, мы его и теперь не отпустим, посидим в диванной; Анна Петровна будет нашей хозяйкой, а нам ничего больше и не надобно. Такие баричи, как ваш гость, не любят долго делом заниматься, и потому он вас скоро отпустит, тогда приходите к нам, мы поговорим о довольно важном.

(*Уходит с Анной Петровной и с Миловым.*)

Домна Фоминишна. Что бы это такое? О чем он хочет говорить? Я смущаюсь...

Городничий. Чего ты беспокоишься? Верно, после дел хочет рассеяться.

Домна Фоминишна. Однако же, братец, будь близко. Посуди: мне, девице, иметь свидание с молодым человеком. Пожалуйста, будь близко.

Городничий. О сестрица, сестрица! Давно бы пора тебе перестать об этом думать. Будет говорить, верно, обо мне; не забудь сказать о моей службе.

Домна Фоминишна. О, непременно!.. Эсфирь не забудет о Мардохее (20).

Явление девятое

Те же и Пустолобов. Городничий бросается отворить ему дверь.

Пустолобов. Оставьте нас, любезный городничий, с вашей сестрицей, но будьте близко: я к вам имею дело.

Городничий. Слушаю-с. (*Уходит.*)

Пустолобов (*подавая стул*). Позвольте просить.

Садятся.

Дело, о котором мне нужно с вами говорить, требует больших объяснений, на что нужно время, которого у меня, по причине важнейших государственных дел, лишнего нет; и потому, оставляя все излишние пустословия, приступлю со всею краткостью и ясностью и вас покорнейше прошу быть со мною откровенною и решительною.

Домна Фоминишна. Ах, ваше превосходительство! Я во всяком случае весьма решительна, многие о сем подтвердят, и постараюсь быть откровенною, сколько мой пол и положение позволяют.

Пустолобов. Занимаясь по управлению государственному, мы, знатные, не имеем времени подумать о себе; оттого я собственно себя еще не устроил. Быв у вас в доме, мне случайно пришла мысль, что у нас при дворе недостает одной дамы для наполнения придворного штата. Имея обязанность исправлять все беспорядки, я размышлял, что удобнее всего я могу пополнить этот недостаток — женюсь. И как я решителен, то, окинув глазами присутствующих, выбор мой немедленно был сделан. Объясниться с братом вашим мне не так ловко, потому что он, как подчиненный, даст свое согласие иногда против воли избранной мною особы, что мне не нравится. Мы, вельможи, любим во всем свободу. Поэтому-то я решился говорить с вами прямо о согласии.

Домна Фоминишна (*в восторге*). Благодарю чувствительнейше за честь. Ваше предложение, конечно...

Пустолобов. Обыкновенные люди все дела свои ведут обыкновенным образом, даже и женитьбу; но нашего разбора чиновники не подвержены общим правилам. Смешно было бы, если бы я начал говорить о любви, о нежностях. О, как бы этому смеялся дипломатический корпус всей Европы! Говорить о состоянии, звании и могуществе моем почитаю излишним: кто этого не знает? Я говорю прямо и решительно: я должен жениться для обстоятельств: девица, могущая занять назначаемое в высшем кругу место, мною найдена; политические виды требуют мгновенного исполнения. Но я на весь церемониал могу отложить час, много два. Во избежание всех пустословий мне нужно предварительно ваше согласие...

Домна Фоминишна (*с стыдливостью*). Ах, ваше превосходительство! Уважая критическое положение или, яснее сказать, состояние дел Европы и из почтения к дипломатическому корпусу, я поспеваю изъявить свое согласие, или, яснее сказать, я согласна, и вот рука...

Пустолобов (*взяв ее за руку*). Благодарю вас. Но поспешите все дело кончить. Тайна и поспешность необходимы. Я готов, идите устройте все с невестой.

Домна Фоминишна (*задыхаясь*). Ка... как... с невестой?..

Пустолобов. Поспешите склонить ее к скорейшему окончанию, и, если нужно, я скажу городничему. Он, как дядя, поспешит...

Домна Фоминишна (*так же*). Это... это Анюта? Наша племянница?

Пустолобов. Зная, что вы одни располагаете ее волею, я к вам и отнесся. Идите и поспешайте устроить все. Извещайте меня секретно обо всем. Повторяю вам: тайна и поспешность очень нужны в этом случае.

Домна Фоминишна. Я так сконфужена. Конечно, честь...

Пустолобов. Пожалуйста, спешите и принесите мне благоприятный ответ. Я отложил все занятия для этого и должен отправить курьера с известием о моем браке. (*С усмешкою*.) Я знаю, что петербургским докторам доставляю много занятий; но нечего делать. Государственный человек живет не для своих видов! Не сказать ли об этом брату вашему? Он будет содействовать.

Домна Фоминишна. Нет, ваше превосходительство, предоставьте мне все кончить.

Пустолобов. Действуйте как вам угодно, только скорее к концу и секретнее; хотя публика здесь и не велика... но...

Явление десятое

Те же и городничий.

Городничий. Извините, ваше превосходительство, что без доклада. Почтовый экспедитор с важными бумагами...

Пустолобов (*будто с сердцем*). Ну, что у него там за важности? Разве не получено ли чего? Введите.

Городничий вводит экспедитора.

Печаталкин. Вот бумаги, сейчас полученные с нарочной эстафетой. (*Подает пакеты*.)

Пустолобов. Очень хорошо. Получил. Оставьте нас.

Печаталкин уходит.

(Пустолобов распечатывает и, бегло прочитав.)

Так. Из Петербурга. Я этого и ожидал; но как поздно хватились. (*Домне Фоминишне*.) Теперь, сударыня, прошу вас действовать по моему препоручению и скорее уведомить об исполнении. Запрещаю вам открывать братцу вашему до времени.

(Городничему.)

Надеюсь, что вы будете благоразумны и не захотите разведывать о делах, не относящихся к вам; я вам сам после открою. До свиданья, сударыня! прошу вас, хоть завтра.

Домна Фоминишна уходит.

Вот, любезный городничий, участь казначея в моих руках. Опишите мне, какой он человек.

Городничий. Хороший, честный человек, трудолюбив, знает свое дело и давно занимает место, всегда с отличием. Недостаточный человек, и притом жена и шесть человек детей. Я осмеливаюсь ходатайствовать...

Пустолобов. Но что же я могу сделать? Вот бумага иностранного министерства. На меня возлагают произвести тонкую, только мне известную хитрость и для этого назначают десять тысяч. Вот по финансовой части прислано открытое предписание выдать мне деньги, где я вздумаю получить. Но я им сделаю экономию: я возьму только пять тысяч. *(С жаром.)* Но мне нужны сейчас деньги, сейчас — или все упущено; и после ни чинами, ни крестами не вознаградишь. Бедный казначей! Дайте мне офицера, я сейчас пошлю в Петербург.

Городничий. Ваше превосходительство! Осмелюсь доложить: не можно ли изворотиться?

Пустолобов. Как вы тут изворотитесь, любезный городничий? Деньги, хотя и пустые, но нужны сей же час; казначей на месте нет. Что же я должен делать? Неужели чрез доброту свою оставить в истории сомнение насчет моей проницательности и деятельности?

Городничий. Ваше превосходительство! Городок наш хотя не велик, но часть суммы можно найти. Осмеливаюсь уверить, что казначей завтра очень рано явится, и тогда можно будет занятые деньги пополнить.

Пустолобов. Но ручаетесь ли вы за успех? Сохранится ли это все в величайшем секрете? Отвечаете ли мне за все?

Городничий. Головою моею отвечаю, ваше превосходительство! Деньги чрез два часа будут, я займу на свое имя; казначей завтра выдаст, и все пополнится.

Пустолобов. Ох, как я боюсь займа! Скажите, вы опекун вашей племянницы и ее имения? Неужели такой безделицы нет у вас в наличности?

Городничий. Опекун имения не я, а другой, который все деньги вносит в банк и недавно еще отправил. На содержание ее хоть и есть сумма, но не более пятисот рублей.

Пустолобов *(в размышлении)*. В банк!.. Пятьсот... *(Скоро.)* На эстафеты довольно. Пожалуйте мне их. Я уже проучен издерживать свои. Начальник под видом шутки относит все к пожертвованиям; но я благодарен; таких пожертвований набираются сотни тысяч. Одолжите мне 500 р., и я вам дам сейчас расписку.

Городничий. Помилуйте, ваше превосходительство! На несколько часов, и расписку? К чему это? Сейчас бегу и доставлю все пять тысяч.

Пустолобов. Ах, любезный городничий! Нет награды, которой бы вы не вправе требовать. Вы не знаете, как важно дело, которому вы так много способствуете. Вместе с деньгами приготовьте записку и о награде. Итак — поспешите.

Городничий *(кланяется)*. Для меня и то уже лестно, что я имел счастье обратить внимание вашего превосходительства. Я спешу... *(Хочет идти.)*

Пустолобов *(вдруг вспомнив)*. Постойте! Самое важнейшее! Необходимость требует приказать мне вам строжайше, чтобы никто в город не был впущен и выпущен из него без вашего ведома, по моему повелению. Поспешите это устроить основательно. Никого на свете! Под строжайшею ответственностью! Так должно. Деньги же 500 р. как я получу?

Городничий. Немедленно от сестры моей. Я иду сказать ей об этом.

Пустолобов. Потом поспешите как можно насчет города.

Городничий уходит.

Прекрасная мысль нечаянно мне пришла в голову: запереть город, чтобы неизвестны стали мои проказы, пока я все кончу. Ха-ха-ха-ха! Мой план, благодаря дуракам, идет очень удачно. Сестра городничего убедит робкую институтку быть знатною дамою. Надобно очень спешить женитьбою; деньги уже есть. Женясь, принесу повинную: много, что отрешат; заживу в деревне барином и буду доволен и здесь уважаем. Нельзя, кажется, сомневаться, чтобы невеста отказала. Ведь очень лестно попасть в высший круг и сделаться знатною дамою. (*Хохочет.*) На мой век дураков станет.

Явление одиннадцатое

Пустолобов и Домна Фоминишна.

Домна Фоминишна (*отдавая бумаги*). Брат мой поручил мне лично вручить вашему превосходительству.

Пустолобов (*принимая поспешно*). А, благодарю вас. Надеюсь скоро также благодарить и за доставление мне приятнейших известий по другому предмету. Каково идут наши переговоры?

Домна Фоминишна. Очень удачно. Но как здесь есть несколько лиц, которые могут во всем помешать, то племянница просит действовать сколько можно секретнее, яснее сказать, таинственнее; и мы теперь располагаем план.

Пустолобов. Ах, поспешите, пожалуйста! Время проходит, а я еще не женат. Что скажет история?

Домна Фоминишна. Ей можно объяснить, что посторонние лица мешали.

Пустолобов. Не то. Что скажет ожидающая Европа?

Домна Фоминишна. Честное вам слово даю, что нынешний вечер вы успокоите Европу своим бракосочетанием с прелестною, яснее сказать, с милою особою.

Пустолобов. О, как я вам благодарен! Поручаю вам устраивать все и буду ожидать от вас известий. Иду отправлять эстафеты к разным дворам Европы. Я должен их успокоить. Смотрите, чтобы я не введен был в хлопоты!

Домна Фоминишна. Не бойтесь; надейтесь и ожидайте всего от меня.

Пустолобов уходит.

Я лучше устрою дела Европы, нежели ваше превосходительство ожидаете. Пообдумав еще... смелее... смелее... и все удастся.

Явление двенадцатое

Домна Фоминишна и Шарин.

Шарин (*торопливо*). Домна Фоминишна! Сделайте милость, скажите, где Фома Фомич? Вот нарочный прискакал от губернатора с пакетом, надписано: в собственные руки, секретно, о деле великой важности. И нигде не найду г. городничего.

Домна Фоминишна. Он, уезжая, сказал, что отправляется в секретную экспедицию, однако же здесь, в городе.

Шарин. Знаю, иначе бы теперь нам долго его ждать, как вот я запрау все заставы. Не будет ли он хотя к театру?

Домна Фоминишна. Я ни о чем не знаю и знать не хочу. Все теперь ниже меня. (*Уходит.*)

Шарин (*один*). Что это значит, что ниже ее? А мне какое дело! У меня своих забот много; тут бумага большой важности, нужно отыскать городничего. Тут повеление от ревизора, вельможи: под строжайшею ответственностью никого не впускать и не выпускать из города. Вот тут мы себя покажем! Ни червь не пролезет. Да все это мало для отличия. Ах, как бы городничий позволил ночью поджечь избенку какого бедного обывателя! Тут бы крик, тревога, суматоха. Ревизор бы избегался: где полиция, где полиция? А я бы, дав погореть, тут из-за угла на него трубою, трубою, которую на первый случай изрядиехонько исправили. Тут, наверное, пошло бы обо мне представление... орден!.. Здесь, в глуши, нашему брату только фальшивую тревогою и взять.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Явление первое

Отчетин (*один*). Что за бестолковщина? Понять не могу. Город заперт, как от неприятеля, ни въехать, ни выехать никому не позволяется. Градоначальник наш где-то скрылся; мне нужно было переговорить о делах — не знаю, где его и взять. Домна Фоминишна все сидит запершись, не с кем слова молвить. Жених между страхом и надеждою, ждет своего решения и говорить ни о чем не может; невеста под одним градусом, все будто булавки на полу считает; смотритель, как угорелый, расставляет кулисы и слышать ни о чем не хочет; экспедитор молчит да улыбается. Один судья беззаботная голова! Несмотря, что ревизор на шее, спит преблагополучно, и не растолкаешь его! Ох, да что-то этот ревизор подозрителен мне! Зато все в городе трепещут, и только и речей, что о Пустолобове.

Явление второе

Анна Петровна и Отчетин.

Отчетин. Эй, Анна Петровна, уверяю вас, худо будет. Привыкнете так поникши держать голову, так и при счастье все будет казаться, что вы грустите. Будьте повеселее, не унывайте. Не привез ли вам этой заразы наш майор? Он что-то охает, как арестованный. Не проводить ли его поскорее обратно?

Анна Петровна. Нет... не то...

Отчетин. Ну, оставим, оставим. Только вот видите: между вами есть симпатия. Вы невеселы, и он грустен; сделайте повеселее, поглядите на него умильно — и он от радости запрыгает. Глядя на вас, и моя грусть пройдет, и я готов буду прыгать и скакать.

Анна Петровна. О добрый мой Василий Авдеевич! Благодарю вас за всю вашу любовь и усердие ко мне. Но скажите, как мне не грустить? Кто из родных входит в мое положение? Не только совет дать, — они не примечают, существую ли я, и кто такой, и

зачем приехал. О, ежели бы живы были теперь мои родители! Я бы ни о чем не грустила и ничего не обдумывала. Ожидала бы слова, исполнила бы волю их и была бы счастлива.

Отчетин. Именем родителей, друзей моих, заклинавших меня иметь попечение о счастье вашем, советую решиться на желание сердца вашего, исполнить по нем. Устами их предсказываю вам постоянное счастье.

Анна Петровна. Желание сердца моего? О, как оно неизъяснимо! Кто мне его истолкует?

Отчетин. Мы его сейчас испытаем. Согласны ли вы отказать Милову? Говорите откровенно, — и перед кем же вам быть откровенною, как не перед другом?

Анна Петровна. Правда. В вас имею я только друга и вам открою душу мою. При мысли отказать Милову какая-то грусть стесняет меня.

Отчетин. Ну, так давайте ручку, я ему скажу, что должно...

Анна Петровна. Ах, нет!.. Боюсь... Отчетин. Отчего же?

Анна Петровна. Я его очень мало знаю.

Отчетин. На это есть средство. Мы его сблизим с собою, он будет всегда с нами, будем его узнавать, замечать.

Анна Петровна. Также боюсь.

Отчетин. Тут же чего?

Анна Петровна (*с стыдливостью*). Пристрастия.

Отчетин. О! Знак добрый! Теперь вы молчите, не вмешивайтесь ни во что; я буду его испытывать со всем вниманием нежнейшего отца и после скажу вам беспристрастное о нем суждение.

Анна Петровна вздыхает.

Не тужите, не тужите. Суд мой будет согласен с вашим сердцем, которое уже все предусмотрело и решило.

Анна Петровна. Поспешность его меня пугает.

Явление третье

Те же и Милов.

Отчетин. Что, г. майор? Вы сказали, что идете осматривать город: каков он вам показался?

Милов. Признаюсь, я был у себя в квартире.

Отчетин. И ничего не делали? С уходом своим заставили и нас скучать.

Милов. Неужели я могу доставлять удовольствие, не быв здесь никому известен?

Отчетин. Почему же? Есть люди, которые об вас хорошо думают и надеются, узнавши совершенно, что не ошиблись в мнении своем.

Милов. Ежели я так счастлив, что особы, от которых зависит решение моей участи, принимают во мне участие...

Отчетин. Bravo, майор! Вот вы и повеселели! Это я люблю. Анна Петровна! Будьте же и вы повеселее, не нагоните тоски нашему гостю, чтобы он не жаловался после Добротворову на худой прием.

Анна Петровна. Я очень бы желала, чтоб вам у нас не было скучно.

Отчетин. Не будет, не будет, я это знаю. Будьте только вы веселы. О, если бы нам сжить этого несносного... кто он... тогда дядюшка наш переродится, тогда он будет наш, узнает вас и будет во всем содействовать.

Явление четвертое

Те же и Домна Фоминишна.

Домна Фоминишна. Скажите, пожалуйста, не спрашивал ли кто меня?

Отчетин. Нет, сударыня, а вы сами очень кстати пожаловали. Мне очень нужно с вами переговорить о важном деле.

Домна Фоминишна. Скажите, о чем это? Я сгораю от нетерпения. Я все важное люблю, яснее сказать, интересуюсь им.

Отчетин. Здесь таиться нечего. Ищут руки нашей Анны Петровны.

Домна Фоминишна (*прерывая его*). Бога ради, замолчите! Это величайшая тайна. Как вам открыто? Это важнейшая тайна.

Отчетин. Да что тут...

Домна Фоминишна (*ему вполголоса*). Одним словом, я умоляю вас об этом ни полслова до времени не говорить. (*Вслух.*) Анюта, будь, пожалуйста, безвыходно в диванной и гостей проси туда. Займи их там.

Анна Петровна просит гостей в другую комнату.

Отчетин (*отходя*). Что за бессмыслица здесь происходит?

Домна Фоминишна (*одна*). Неужели наша тайна открыта? Надобно спешить — спешить к моему благополучию.

Явление пятое

Домна Фоминишна и Пустолобов.

Пустолобов. Как я рад, сударыня, что нахожу вас одних! Надеюсь, что вы скажете мне что-нибудь насчет общего нашего дела. Что говорит ваша племянница?

Домна Фоминишна. Я искала вас, чтобы объявить вам все, яснее сказать, объявить решение судьбы вашей. Время дорого, и потому, сокращая все, скажу вам без предисловий: она вне себя, в чрезвычайном восторге от неимоверной чести. Но как здесь ее опекун, которого согласие хотя и не нужно, но, впрочем, необходимы с ним объяснения, то, во избежание всего, яснее сказать, в отвращение препятствий, она, руководствуясь стыдом, скромностью и свойственной стыдливостью, хочет уйти, яснее сказать, с вами тайно уехать и секретно обвенчаться.

Пустолобов. Ах, какая умная девица! Я, видно, не ошибся в выборе. Но когда и как уехать и где нам обвенчаться? Я здесь ничего не знаю: руководствуйте вы во всем, вместе же и для вашего благополучия.

Домна Фоминишна. Все нами придумано и расположено как нельзя лучше. Едва лишь горизонт покроется мраком, яснее сказать, смеркнется, коляска ваша должна быть готова, вы ожидайте невесту в этой комнате. Я распоряджусь, чтобы здесь было темно. Взяв ее от меня, вы скачете в село Никольское, шесть верст отсюда. Там не пожалейте ста рублей, и вас без всяких справок в полчаса обвенчают; уж были примеры.

Пустолобов (*с радостью*). Вы моя благодетельница! Вы дадите мне случай выиграть очень много по нашей министерии. В благодарность я вас введу в высший круг, вы будете знатная дама, имя ваше будет в истории... и далее, далее...

Домна Фоминишна. Стало быть, вы полагаете меня могущею, яснее сказать, имеющего дар быть в высшем кругу?

Пустолобов. О! без всякого сомнения. Вы будете украшением нашего высшего круга. Но поспешим приготовлением.

Домна Фоминишна. Еще одно условие: взяв свою невесту, вы во все время дороги не говорите с нею, яснее сказать, наблюдайте строгое молчание. Когда вся тайна откроется, вы получите за то вознаграждение. Она очень стыдлива и потому и во время венчания будет молчать. Движением руки, яснее сказать, помахиванием головы, она подтвердит клятву вечной верности. Отсюда не должно никого брать: свидетелей, или, яснее сказать, шаферов, мы там найдем в детях священника. О, как обрадуется, яснее сказать, восхитится добрый брат мой, когда с возвращением вашим сюда узнает, что устроено счастье любимой им особы и он сам, яснее сказать, возведен на высшую степень чести! Итак, я вас оставляю для приведения всего к окончанию под непроницаемою завесою тайны. Обожаемый вами предмет скоро явится в назначенное место.

Пустолобов. Все исполню по нашему условию. Сейчас прикажу, чтобы лошади были готовы. Поспешите и вы окончанием; уже становится темно.

Домна Фоминишна (*отходя с многими книксенами*). Иду... поспешу... и устрою общее наше благополучие.

Пустолобов (*один*). Славно все идет! О счастье, пожмурься еще хоть полчасика и доведи меня до цели моих желаний, а там... ступай себе куда хочешь, ищи подобных мне смельчаков, ежели только скоро найдешь. (*К дверям.*) Эй! кто там есть? Пошлите ко мне полицейского офицера.

Шарин (*вбегает*). Я здесь, ваше превосходительство! За отсутствием городничего исправляю его должность. Что изволите приказать?

Пустолобов. Сию минуту... спросить почтовых добрых шестерку лошадей с надежными ямщиками, которые бы знали все ближние селения. Исполнить, не разглашая о том никому, и, когда будет готово, донести мне! Слышишь?.. (*Уходит.*)

Шарин. Слушаю-с... Заваривается, видно, каша и в уезде. (*Идет, но Анна Петровна его останавливает.*)

Явление шестое

Анна Петровна и Шарин.

Анна Петровна (*останавливая Шарина*). Постойте минуту. Скажите, пожалуйста, где мой дядюшка?

Шарин. Не могу знать, он в секретной откомандировке.

Анна Петровна. Не знаете ли вы по крайней мере, скоро ли он возвратится, или не можете ли вы мне его отыскать?

Шарин. Никак не могу ничего сделать. Бегу за лошадьми; ревизор сейчас едет. (*Уходит.*)

Анна Петровна (*одна*). Так он уже скоро едет?.. Надобно и мне действовать. Развязка приближается. Тетушкин план превосходен... Хорошо ли я делаю? Даже боюсь посоветоваться с моим опекуном. После уведомяю его обо всем... Что-то скажет Милов, узнав о моем поступке?.. Ежели бы я была без состояния, и я была бы покойна... и все. Сам Милов не приехал бы сюда искать руки моей... Да... ежели... (*Задумывается.*)

Явление седьмое

Анна Петровна, Отчетин и Милов.

Отчетин. Что это, Анна Петровна?.. Вы вышли за тетушкою, сказав, что скоро к нам возвратитесь, а вместо того находим мы вас одну и в задумчивости. Что это значит?

Анна Петровна. Много, мой почтеннейший Василий Авдеевич! Что я узнала! На что решаюсь! Так должно. Не вините меня, не узнав всего подробно. И против вас я виновата, что без вашего совета решаюсь... но так должно... Я буду к вам писать... Вы, верно, пожалеете обо мне... Так должно. (*Скоро уходит.*)

Отчетин (*в большом удивлении*). Что это такое?

Милов. Может быть, это предлог избавиться от меня? Ясно вижу свое несчастье.

Отчетин (*в мыслях*). Не знаю... не знаю... право, не знаю!.. Впрочем, откроется же... и как бы не вышли пустяки. Не унывай, майор! Женщины — все женщины и, во всяком случае, всегда — женщины... Верно, канареечка, собачка или тому подобное больна, так, стыдясь своей слабости, говорит загадками.

Милов вздыхает и удаляется к стороне.

Явление восьмое

Те же и Спалкин.

Спалкин. Мое почтение!.. Стало, я хорошо сделал, что не встанул на себя мундира, вот вы, Василий Авдеевич, во фраке же.

Отчетин. К чему же мундир?

Спалкин. Как же? Такая важная особа! Собираясь в квартире чиновника, хотя и на его счет, должно бы...

Отчетин. Вы собираетесь не на службу, к чему же тут формы?

Спалкин. Хорошо, как не приметит!.. Скажите, пожалуйста, кто он? Кто говорит, что он ревизор, посланник с необыкновенной властью и силой, а никто настоящего не знает.

Отчетин. Он — Пустолобов и, верно, ничего больше.

Спалкин. О да, умная голова! Я, попостившись до двух часов, признаюсь, аккуратно обедал, так мало вслушивался, о чем он говорил; но он говорил о многом и все умно и безостановочно. Да, выбрали голову послать!

Явление девятое

Те же, Матрена Степановна и Эйжени в большом убранстве.

Матрена Степановна. Час соединения настал. Минута моего восторга приблизилась. Наконец мы скоро будем в храме изящности.

Эйжени (*вошла просто, но, увидя Милова, начала манериться и выказывать себя*).

Où sont nôtres belles dames? Позвольте узнать? (*С насмешкой*.)

Я думаю, m-lle Annette ожидает меня, чтобы кончить свой куафюр (21).

Отчетин. Анна Петровна еще с утра одета, а теперь занимается... по хозяйству.

Эйжени (*хохочет*). Верно, приготавливает чай?

Спалкин. И могу сказать, что она большая в этом мастерица.

Матрена Степановна. Превосходительная особа изволила ли окончить свой отдых?

Отчетин. Кто его знает!

Матрена Степановна (*увидя Милова*). Вы, милостивый государь, конечно, из свиты его графского сиятельства?

Милов. Никак нет, сударыня. Я ни в чьей свите, я проезжий.

Спалкин (*Милову*). Позвольте вам рекомендоваться. Я здешний судья... Это вас мы давеча приняли за ревизора? Желая вам дослужиться, чтобы быть на его месте. Откуда и куда бог несет?

Милов. Из Петербурга, сударь, в здешний уезд, по делам службы.

Матрена Степановна. В таком обстоятельстве позвольте и мне к вам адресоваться. Я здешняя дама, а это — дочь моя.

Милов им откланивается.

Теперь, без сомнения, вы глубоко чувствуете тягость службы?

Милов. Почему же, сударыня?

Матрена Степановна. Как же! Из столицы вкуса быть брошену в такую уединенную даль... Не правда ли, что когда разнообразность веселий, действуя нравственно на утонченность вкуса нашего, ведет нас к познанию мрачностей, — в таком случае уединение отягощает все желания наши, потому что один мудрец сказал: в гостях хорошо, но дома лучше. Я думаю, что в этом даже и вы согласны со мною.

Милов (*в замешательстве*). Я... не умею вам отвечать... потому что...

Матрена Степановна. Это обыкновенная увертка людей, знающих светскость, дабы не противоречить прекрасному полу.

Отчетин. Но я, сударыня, не согласен с вами, потому что утонченность вкуса нашего, действуя на фибры души нашей, развлекает тонкость ощущений, отчего и выходит, как сказал также один мудрец: вздор вздором помножить, выйдет чепуха. Неужели не видите, сударыня, что это истинная правда?

Матрена Степановна. Ах! теперь вижу ясность истины и с вами соглашаюсь.

Отчетин (*Милову тихо*). Вот как с ней надобно говорить.

Смеются оба тихо.

Эйжени (*с жеманством к Милову*). Вы недавно из Петербурга?

Милов. Дней десять, сударыня.

Эйжени. Ах, это бесподобно!.. Я вами завладею: вы мой кавалер. Вы знаете новые фигуры в котильоне, в мазурке? C'est charmant! Здесь в городе нет девушки, которая ловче бы меня танцевала. Я училась в пансионе м[адам] Вашер и была там первою танцовщицею. И так как по сей части я здесь хозяйка, то вас, приезжего гостя, ангажирую.

Нынче у нас бал. Скажите, не отстала ли я в своем костюме от петербургских мод? Пожалуйста, будьте со мною откровенны.

Милов. Благодарю вас, сударыня, за позволение и доверенность. Я видел в Петербурге девиц, одевающихся подобно вам.

Эйжени. Voilà comme je suis. Я еще не была в Петербурге, но одеваюсь по журналам и как удачно потрафила!.. Dites moi la vérité, comment...

Милов. Позвольте мне предварить вас, сударыня: я не говорю и не понимаю по-французски.

Эйжени. Ах, как это можно! (*В сторону.*) Он хитрит, тем лучше для меня. (*Будто сама с собою, нежно.*) Si gentil, si charmant, si beau... И неужели не говорите?

Милов. И не учился вовсе. Так же точно я и танцевать не учился...

Эйжени. Ах, это невозможно! Позвольте мне при первом случае вас испытать. (*Будто в сторону.*) Comme il est charmant!.. Pauvre coeur... pauvre Eugénie!

Матрена Степановна. Позвольте адресоваться к вам насчет изящной словесности. Какому из журналов в первой столице отдают преимущество: «Телеграфу» или «Дамскому журналу»?

Милов. Это, сударыня, московские журналы. Мы в Петербурге читаем свои и довольны ими.

Матрена Степановна. Но нет, согласитесь с моим воображением, что картинки сих журналов помрачают все петербургские издания. А картинки «Дамского журнала» — прелесть в своем роде! Там все оттенено, всякая складочка, всякая булабочка... Вот я одета по последней картинке. Моя Евгаша... то есть Евжа... (*К дочери.*) Как? Да, Евжания... она одевается, извлекая все изящное из обоих, и соединяет в себе одной.

Спалкин. Стало, оба спорящие журналиста примиряются на плечах Евгении Кузьминишны.

Милов. Ежели бы издатели знали, что в такой отдаленности и так горячо интересуются их картинками, то это бы их развеселило.

Эйжени (*во все время манерившаяся, смотревшая всегда на Милова, делавшая ему глазки, вздыхавшая, старающаяся всегда быть возле него, говорит, будто в сторону*). Ah! comme il est charmant! J'ai perdu ma tête. Voilà à présent je sais que ce que l'amour!

Матрена Степановна. Что ты, Евгаша?.. Не голова ли болит?

Эйжени (*жеманно, все смотря на Милова*). Я не знаю... со мною что-то необыкновенное... внутренний жар... холод... я вся в смятении.

Спалкин. Вот бы я не советовал вам ехать в театр. Духота и чад от плошек, сквозной ветер... так вот вам и смерть еще приключиться может.

Эйжени. Ах, нет!.. Это совсем не то... (*В сторону.*) Жестокий! Он и участия не принимает. Надобно усилить нападение.

Отчетин. Что это, Матрена Степановна? Вы плачете?

Матрена Степановна. Меня повергает в горестную печаль болезнь, могущая приключиться моей Евгении, а потому и самая смерть. Имея одну, единородную и единоутробную дочь, всякий миг ужасаюсь, чтобы не лишиться ее. К чему тогда издержки, употребленные на воспитание ее в трех пансионах? К чему нам останется наш

достаток, когда мы лишимся ее? Мысль сия часто снедает мое сердце. О, ежели бы я могла ее скорее вручить супругу, ей назначенному! Хотя бы без состояния, но военный чиновник, защитник отечества. *(Вздыхает громко и протяжно.)*

Отчетин *(Милову тихо)*. Эти нули для тебя льются.

Милов *(ему так же)*. Избавьте меня от этих уродов.

Эйжени. Ожидали ли вы в уездном, маленьком городишке найти театр и разыгрывающуюся Озерова трагедию?

Милов. Ничего нет мудреного. Только каково сыграют?

Эйжени. Ах, бесподобно! Я этих актеров видела, когда воспитывалась в пансионе, они играли Мольерову трагедию «Лекарь поневоле» (22). Уж как мы все хохотали! *(Потише.)* В театре вы также мой кавалер...

Милов. Благодарю за честь, сударыня! Может быть, дела службы удержат меня...

Матрена Степановна. Но где хозяйки дома?.. Конечно, не доложили о прибытии нашем?

Отчетин. Извините их, сударыня! Они точно заняты, всякая по своей части. Я почти здесь хозяин, итак, прошу пожаловать к чаю. Там мы кого-нибудь из них найдем, а не то, так я и один вас угощу, пока до театра. Пожалуйте, сударыня. *(Подает руку Матрене Степановне.)*

Эйжени сама берет руку Милова. Уходят.

Спалкин *(также уходя за ними)*. Насилу вспомнили! А давным-давно пора пить чай.

Явление десятое

В комнате темно.

Шарин *(входит)*. Что-то темновато. Ни зги не вижу! Не поставить бы фонаря?.. Как мне найти ревизора, чтобы доложить, что коляска готова? Куда-то он укатить хочет? Не совсем ли от нас? Счастливый путь! Уж отдохнул бы!.. Да и бегал же я! Все дела приостановились по полиции, все за ним ухаживаем... Ссс! Что-то крадется.

Пустолобов *(входит оцупью)*. Темно... Это хорошо... удачнее план будет... Нет ли уже ее здесь?.. Пс... пс... пс!

Шарин *(так же в другой стороне отвечает)*. Пс... пс... пс... *(Тихо смеется.)* Что-то из этого будет?

Пустолобов *(идет оцупью на голос и, продолжая)*. Пс... пс... пс!

Шарин, так же отзываясь, манит его во все стороны. Дама в клоке, шляпке, под вуалем выходит и также идет оцупью на сигнал: «Тс! тс! тс!»

Шарин *(утешается, манивши их, потом подходит ближе к сцене)*. Тут что-то недаровое! Здесь есть любовные шашни. Да уж я их изловлю! *(Опять манит.)*

Пустолобов и дама на сигнал Шарина сходятся друг к другу и едва не схватывают его; Шарин между рук их ускользнул и смеется тихо.

Пустолобов *(схватив за руку даму, говорит тихо)*. Ты ли это, моя любезная?

Закутанная дама *(тихо)*. Я, мой ревизор, и навек твоя!.. Молчите только.

Пустолобов. Убежим, все готово.

Обнявшись, тихо выходят.

Шарин (*один, долго слушав, крадется к дверям*). Чу!.. Укатили! Честью уверяю, что это ревизор увез молодую барышню. Его голос и ее голосок: «Мой ревизор». Верно, она! Уж не Домна же Фоминишна! На что ему такая ветошь? Чуть было меня не схватил и не увез. Ха-ха-ха! то-то бы изумился, как бы вместо красной девушки очутился добрый молодец. Однако же, что мне делать? Бить ли тревогу, зашуметь? Нет, не нужно. Городничий, видно, как дядя, уехал вперед встретить и благословить. Он же и чрез заставу велит пропустить. Мое дело молчать. Пойду к театру; там есть буфет. Стаканчик пуншу не будет лишнее от испугу, что чуть-чуть было не увезли. Еще как бы Анна Петровна меня увезла, так не худо бы... а то как ревизор?.. О, страшно!.. Пуншу, скорее пуншу!

(*Уходит.*)

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Явление первое

Отчетин (*входит*). Какая темнота!.. Эй! полайте сюда свеч! За неимением хозяев сам буду распоряжаться... Да где они все? Никто к гостям и глаз не кажет... Жеманная Евгаша явным образом вешается на шею к бедному Милову, не помнящему себя без Анны Петровны... Странное дело с нею! Ничего не понимаю!..

Приносят свечи.

Потерплю еще; чем это все кончится?

Явление второе

Отчетин, Ученосветов и Печаталкин.

Ученосветов. Помилуйте, Василий Авдеевич! Что это со мной делает почтеннейшая публика?.. Театр давно готов; актеры все в приличных костюмах, и актрисы также, и в третий раз румянятся; суфлер задохся, сидя под столом; плошки горели, горели да и выгорели. Принужден новые зажигать.

Отчетин. Что мне до ваших плошек? Я в эти дела не мешаюсь.

Ученосветов. Да что не едут в театр? За чем и за кем остановка?

Отчетин. Кто вас знает? Думаю, за вельможей, как его называют.

Ученосветов. Где же хозяин? Кто доложит его превосходительству? Я видел Фому Фомича, скачущего из конца города в другой с чрезвычайною заботливостию.

Отчетин. У него из-за всего важное дело.

Печаталкин. Город везде заперт, и никого не выпускают; я отправил было почтальона с рапортом к своему начальству о происходящем здесь, но ни за что не пропустили. Говорят, строжайше запрещено.

Отчетин. Чем эти чудеса кончатся!

Печаталкин. Я уверен, что не добром. Жандарм, прискакавший от губернатора с бумагами, говорит, что он прислан взять важного, секретного арестанта и скакать как можно скорее, а он еще городничего и не видал... Недавно спросили у меня шесть почтовых лошадей с надежными ямщиками, знающими все ближайшие селения.

Ученосветов. Но это, может быть, и для выезда его превосходительства в театр?

Явление третье

Те же и Милов.

Милов (*Отчетину*). Вы меня оставили на съедение двум несносным созданиям. Одна замучила меня своею высокопарною чепухой, а другая задушила... право, совещуся и говорить...

Отчетин. Ну, задушила любовью. Чего тут скромничать? Вам, военным, такие встречи не новое, везде побеждаете.

Милов. Ах! до любовных ли мне теперь нападков?.. Что, нет ли каких известий?

Отчетин. Никого не встречаю и ничего не знаю. Полагаю, что они одеваются... и скоро мы все узнаем.

Ученосветов. Скоро ли изволит выйти его превосходительство?

Отчетин. Кто его знает, равно и о том, превосходительный ли он еще?

Явление четвертое

Те же, Матрена Степановна и Эйжени.

Матрена Степановна. Это против всякой политической нравственности — уклоняться от собеседования с прекрасным полом. Государи мои, позвольте на вас возвести претензию, впрочем, шуточным порядком.

Эйжени (*Милову*). И вы меня оставляете, когда мне нужно сострадание (*тихо*) ваше — и ничье более! Я в ужаснейшем расстройстве.

Отчетин (*в сторону*). Она уже напрямки объясняется. (*Эйжени.*) Когда вы нездоровы, то не лучше ли ехать домой и лечь в постелю?

Ученосветов. О, ни за что в свете! Потерпите, хотя бы болезнь и в десять раз усилилася. Должно быть в театре, а после — как угодно.

Матрена Степановна. Скоро ли наступит вожделенная минута, в которую увидим открытие завесы с представлением древней истории с вашими новыми прибавлениями?

Ученосветов. Ах, сударыня! и я сгораю от нетерпения, подобно вам и площадкам в театре; но судьба полагает препятствия. Я не вижу ни прелестных владычиц дома сего, ни хозяина града нашего и, наконец, ми самого превосходительнейшего — не знаю кого...

Отчетин. Пустолобова.

Матрена Степановна. Держу пари, что называемые вами прелестные владычицы костюмируются, дабы помрачить одеяние мое и уборку Енга... дочери моей.

Эйжени. Ха-ха-ха-ха! И так же будет неудачно их усилие, как и всегда? (*Милову.*) Анна Петровна всегда подражает мне во всем, а теперь, при таком съезде, употребляет все старание превзойти меня и оттого так долго не выходит.

Милов. Я не заметил, чтобы она подражала вам в чем-либо.

Эйжени. Так вы ее видели? Скажите мне, кто из нас лучше?

Милов. Мне нельзя прямо сказать.

Эйжени. Нет, говорите прямо. Я сама откровенна и люблю это в других. (*Вполголоса.*) Я никого прелестнее вас не видала. (*Громко.*) Будьте так же и вы со мною откровенны. Говорите прямо.

Явление пятое

Те же и Спалкин.

Спалкин. А вы меня одного и оставили! (*Зевает.*) Так сладко уснул под ваши, Матрена Степановна, рассказы. Вы что-то мне такое говорили, что я ничего не понимал (*зевает*) да и заснул. Испугался было, подумав, что без меня в театр ушли.

Матрена Степановна. Да, позвольте предложить маленький вопрос и обсудите обстоятельство, чтобы нам соблюсти всю чинность: при входе его превосходительства нам следует, кажется, встать? Так велит пристойность.

Отчетин. И закричать: «Да здравствуют все Пустолобовы!»

Ученосветов. Нет, кричать неприлично. Это уже будет утонченная приветливость, а встать и низко ему поклониться.

Матрена Степановна. Точно, и потом сесть к нему лицами.

Ученосветов. Ох, невозможно! Его превосходительство изволит сидеть у самой сцены.

Явление шестое

Те же и городничий.

Городничий. Здравствуйте, мои любезнейшие гости! Извините меня, что я все в отлучке и сейчас должен опять скакать. А где сестра?

Матрена Степановна. Конечно, приводит свой костюм в должный по «Телеграфу» порядок. Она его чтительница.

Городничий. Ох, теперь не до костюма и даже не до «Телеграфа». Мне очень она нужна.

Явление седьмое

Те же и Дуняша.

Городничий. Кстати, Дуня, скажи Домне Фоминишне, чтобы сейчас пожаловала сюда, мне крайняя надобность.

Дуняша. Домна Фоминишна прежде изволила быть нездорова, а после изволила лечь в постель и приказать, чтобы никто ее не беспокоил.

Городничий. Скажи, я, я ее зову.

Дуняша. Комнату изволила снутри запереть.

Городничий. Ох, какая! Так нужно для ревизора — достучися!

Дуняша. Вот записочка от Анны Петровны, изволила приказать отдать Домне Фоминишне, но не достучимся.

Городничий. Да не до записки! Где и она?

Дуняша. Я не знаю. Изволила выйти вечером со двора.

Эйжени (*со смехом*). Искать приключений?

Отчетин и Милов нетерпеливо ждут чтения записки.

Городничий. Что мне тут читать? Я занят важнейшим. (*Читает.*) «Обстоятельства принудили меня оставить вас, почтеннейший дяденька! не беспокойтесь обо мне. Когда все кончится, — надеюсь, вы одобрите поступок преданной вам племянницы». Что это такое? Я не понимаю.

Отчетин и Милов с беспокойством рассуждают тихо.

Явление восьмое

Те же и Шарин.

Городничий. Ну, что, Шарин? все ли у тебя в порядке? Не изволил ли чего ревизор спрашивать?

Шарин. Изволил и получил.

Городничий. Что такое?

Шарин. Шесть добрых почтовых лошадей, от которых, думаю, вы недалеко уехали.

Городничий. Куда уехал?

Шарин. Встретить и благословить.

Городничий. Кого благословить и для чего?

Шарин. Новобрачных к венцу.

Городничий. Каких новобрачных? Говори прямо.

Шарин. Да ревизора, который венчаться уехал...

Городничий. С кем это?

Шарин. С барышней — с Анной Петровной.

Все вскрикивают: «С Анной Петровной!» Городничий стоит в удивлении; Милов почти без чувств склоняется на руки изумленного Отчетина; Спалкин, как открыл табакерку, в том положении и остался.

Эйжени. Какая досада! Этакого молодца подхватила!

Матрена Степановна. А ты с своею ловкостью всегда остаешься назади. Привязалась к этому майору; ну, что тут толку? А что важное — и прозевала.

Эйжени. С вами-то всегда прозеваешь: одевайся да рядись; а Любимова успела! Вот досада!

Городничий (*ходивший по комнате взад и вперед*). Да скажи, Шарин, — полно, правда ли это?

Шарин. По службе доношу вашему высокоблагородию, что правда.

Городничий. Куда же они уехали?

Шарин. Не могу знать. Но, верно, венчаться, потому что обнявшись вышли отсюда. Я полагал, что вы вперед поехали их благословить.

Отчетин. Это клевета! Ужасная клевета! И вы это сами видели?

Шарин (*оборотись к Отчетину*). Видел вот этими самыми глазами, здесь, на этом месте. Я вас и не видал, человек внизу вас спрашивает.

Отчетин. Сейчас иду, я постигаю...

Милов. Ах, не уходите, не оставляйте меня.

Отчетин. Я скоро буду. Надеюсь дойти до истины. (*Уходит.*)

Городничий. Чего ей было уходить? Партия такая выгодная! Я сам бы согласился на такой брак, который делает честь всем ее родным. Почему ты не удержал ее? Почему заблаговременно не предупредил меня об этом?

Шарин. Помилуйте, Фома Фомич! Почему я знал и ведал? Да где мне было вас найти? Я точно думал, что вы уехали вперед, чтобы их благословить. Вот бумага от губернатора, с жандармом присланная: два часа как ожидаю вас, чтобы отдать. *(Подает пакет.)*

Городничий. Что там еще? Ого! По секрету, о важнейшем деле. *(Читает про себя, потом вскрикивает.)* Ахти! Слушайте, вот странность! *(Читает.)* «Вышнее начальство, узнав, что откомандированный в некоторые губернии титулярный советник (23) Пустолобов...»

Спалкин, Ученосветов и Печаталкин. Титулярный советник?

Городничий. Да, да, слушайте. *(Продолжает читать.)* «...Пустолобов осмелился выдавать себя за важного государственного чиновника, производящего исследования по какой-то секретной части, и через то наделавший больших беспорядков и злоупотреблений, — предписывает мне, при появлении его, схватить и прислать за строгим караулом в Петербург. Как же мне известно, что сей обманщик поехал в город, под управлением вашим состоящий, то строжайше предписываю вам — немедленно, взяв его, прислать ко мне с надежным полицейским офицером и при сем посылаемым жандармом. Все, что окажется при нем, при описи доставьте вместе с ним. Гражданский губернатор». *(Стоит в изумлении.)*

Спалкин *(после молчания от удивления)*. Вот штука!

Печаталкин. Ай да куда затесался!

Ученосветов. Эта штука похожа на Пустолобова. За неслыханные дерзости и худое поведение он был выгнан из университета.

Эйжени. Ха-ха-ха-ха! Как я рала! Ревизор, граф, превосходительный — все это ее прельщало; а на поверку будет не больше, как титулярная советница. *(Смеется.)*

Матрена Степановна. Преинтересная статья для «Дамского журнала» под названием: «Необдуманное пожертвование собою без возмездия».

Городничий. Что же мне делать? Моя племянница погубила себя. Друзья мои, посоветуйте, что мне делать?

Печаталкин. Берите у меня лошадей, бегите в погоню.

Спалкин. Поймать да и сюда его скорее.

Ученосветов. Когда брак совершен, протестовать против него. В английских законах есть...

Городничий. Шарин, друг мой! В погоню. Бога ради, в погоню! Поймай их, схвати и представь обоих ко мне. Бери конных, пеших, всяких, сколько можно больше. Скачи ночь и день! Где найдешь — схвати.

Шарин *(щелкнув языком)*. Ах! кабы из города еще не выпустили. Ведь город-то заперт.

Спалкин. Бездельник прикажет, чтоб его пропустили.

Шарин. Ох, навряд ли! Квартальный у меня Грошехватов в рожу его не знает и в точности исполнит приказ. Сказано, без словесного повеления г. городничего не впускай в город и не выпускай ни живого, ни мертвого, а не то — беда!

Городничий. Да полно рассуждать! Действуй, беги, лети, успевай!..

Шарин. Слушаю-с. Он у меня не увернется. (*Убегает.*)

Городничий. Бедная моя племянница! Что с ней будет? Что и мне делать с такой роденькой?

Ученосветов. Опять остановка по театру. Последние площадки, чай, погорели.

Матрена Степановна. Начто нам идти в театр? Здесь собственное зрелище.

Спалкин. Как такая умная девушка могла поверить такому обманщику и решилася — на что же? — бежать!

Эйжени. Легкость характера — недостаток рассудка. Не так ли, mon cher major?

Милов. Я, сударыня, не знаю ничего... и не понимаю...

Эйжени. Чем же вы заняты? (*Тише.*) Или кем?

Милов. Никем, но как будто нездоров.

Эйжени. Ах, в самом деле! Пожалуйте мне вашу руку. Точно. Точно вы нездоровы. (*Тихо говорит.*) Adorable!

Милов (*не примечая ничего*). Точно, точно я нездоров.

Эйжени (*пользуясь, что всякий занят собою, говорит вполголоса Милову*). Я также скажусь нездоровою, расположусь ехать домой, а вы возьмитесь меня проводить; так я вам открою состояние бедного моего сердца. (*Вслух.*) Ах, как мне дурно, maman! Я очень, очень нездорова! Не могу здесь быть — поеду домой.

Матрена Степановна. Нет, Евгаша! Я, как нежная мать, должна проискивать подобные сцены для твоего примера. Отдохни здесь.

Эйжени (*подбегая к матери, тихо*). Что вы это умничаете? Отпускайте, и майор со мною едет.

Матрена Степановна. А! точно, поезжай. Г. майор! вашему попечению вверю наилучшую мою драгоценность. Не оставляйте ее в сии минуты испытания.

Эйжени (*слабым голосом*). Поддержите меня — я слабею! (*Склоняется к Милову; но тот не слышал ничего, что ему говорили, и, дабы дать место Эйжени, переходит на другую сторону; Эйжени с досадою бежит за ним.*) Разве вы не слышите, что мне дурно?

Ученосветов (*при первых словах Эйжени бросился за креслом и, увидев, что она почти побегала за Миловым, догоняет ее и подает кресло*). Евгения Кузьминишна! Упадете! Упадете! Вот кресло! Сядьте, сядьте!

Спалкин (*во все время в задумчивости, не закрывая табакерки, нюхал табак*). Не могу прийти в себя. Чем он ее так улестил?

Городничий. Да ведь же мастер лясы подпускать! Вообразите, что всех нас одурил и мы все пред ним опешили.

Спалкин. Да вы же, Фома Фомич, первые заварили всю эту кашу. Вам было спросить у него бумаг и сказать, что не получали насчет его ничего.

Городничий. Да чего! Обольстил, бестия! Яко человек, хотел снискать себе милостивца и покровителя. Этого мало. Ох, признаюсь пред вами, ведь он хотел... да

постояйте! Я видел к нему предписания, он их при мне с эстафетой получил. Это что значит?

Печаталкин. Я вам изъясню. Он велел мне принести бумаги и сказать, что с эстафетой сейчас присланы, а написал, видно, сам.

Спалкин. Эх он мошенник! По закону, руку по локоть.

Городничий. Предписано было отпустить ему из казначейства десять тысяч, но как казначея не было в городе, то он поручил мне сыскать пять тысяч. Вот эта-то секретная экспедиция, где я до сих пор был. Денег нашел, но требовали заклада, и я прибежал к сестре за вещами.

Спалкин. Хороши бы вы были, заняв для такого плута денег!

Ученосветов. И с умыслом уснул, чтобы здесь устроить побег!

Городничий. Точно. Настоятельно потребовал 500 руб., и я ему, на свою беду, дал.

Все смеются.

Матрена Степановна. Необходимая вещь для бракосочетания.

Городничий. Я боюсь, не была ли знакома моя племянница с ним в Петербурге и приезд его сюда сделан по условию...

Эйжени. Ах, очень может быть! Любовь всеильна! (*Шилову.*) Так ли (*тихо*), mon adorable?

Матрена Степановна (*видит, что дочь ее шепчется с Миловым, подходит и тихо говорит*). А вы, как два птенца голубиные...

Милов, вслушавшись, отходит; Эйжени за ним.

Ученосветов. Когда пошло дело на признания, то и я вам открою, что он мне обещал и чин, и крест, и все, лишь бы я не говорил, что знаю его и все его шалости.

Печаталкин. Да он и меня хотел награждать, и когда я отказался, так он изволил прогневаться и грозил насильно меня произвести.

Городничий. О бедная моя племянница! Что с ней будет? Что будет и с бедной моей сестрой, когда она узнает? Не занемогла ли от сего несчастья, что долго не идет?

Слышен за театром шум.

Ученосветов. Никак привезли молодца?

Спалкин (*смотрит в окно*). Точно на крылах ветреных примчали беглецов. Да с каким же конвоем! Это еще лучше давешней встречи. Тащат сюда. Вон ведут и Анну Петровну.

Городничий (*также смотря*). Точно!.. Ах, боже мой! Это она!

Спалкин. Точнехонько, вон ее розовая шляпка, шалью укутана и в клоке. Бедняжка, едва переступает.

Милов страдает особо, не вмешиваясь ни во что.

Явление девятое

Те же; Шарин тащит с двумя солдатами Пустолобова, а два солдата ведут закутанную даму; она лежит в обмороке на руках их.

Шарин. Честь имею донести вашему высокоблагородию: поймал арестантов благополучно. Вот они!

Спалкин. Поймали гуся с поличным.

Городничий. Я не могу равнодушно глядеть на них. Успокой меня, Шарин, скорей: где ты их нагнал?

Шарин. Как раз в городе. Они от заставы к заставе ездили, но нигде их, в силу повеления, не пропускали. Уж наш Грошехватов на это лихой! Сколько вот этот молодец ни шумел, сколько ни грозил, — нет-таки, не выпустил, а я тут, как снег на голову, да и сцапал их.

Городничий. Хотя немного отдыхаю, что этот бездельник не обвенчался.

Пустолобов. Я удивляюсь дерзости вашей, городничий! Положим, что я, оставя свой важный пост, склонился было на любовное приключение и увез у вас племянницу; следовало меня только остановить, взять ее, ежели бы она этого пожелала, но не делать мне, в моем чине, в моем звании, такого насилия. Раздумали ли вы, на что решились?

Городничий. Тут нечего мне было и раздумывать! Вот повеление начальства — взять тебя, титулярного советника Пустолобова, и за караулом отправить.

Спалкин. Ну-ка, господин ревизор, оставяй тон свой; все твои плутни известны.

Пустолобов. Так уже все открыто?

Городничий. Все, мой голубчик! По твоим мошенничествам я не был дома, и потому бумага поздно ко мне дошла; не допустил бы я себя до такого бесчестия, а эту несчастную до ужасного позора. Я не могу с ней говорить.

Спалкин. Позвольте мне снять с них допрос. Скажите, сударыня, какими сладкими словами он вас убедил?

Пустолобов. Всею причиной ее тетушка, а с нею я не говорил ни одного слова, даже и дорогою. Так у нас было условлено. Я не успел тетке открыться, — как она мне принесла в ответ желание невесты, чтобы уйти и обвенчаться. Назначили место, куда нам ехать, и при первом сумраке невеста, которой я даже и имени не знаю, явилась ко мне, и мы уехали.

Городничий. Что ты это говоришь! Возможно ли, чтобы сестра моя? Позовите сюда сестру. Я думаю, что она, бедная, от стыда и горести не смеет людям показаться. А ты, бесстыдная! Чем ты оправдаешься? Что тебя заставило решиться на такую крайность и первому мужчине на шею повеситься? Тебе ли не дано воспитание? Что, совестно? Снять покрывало, чтобы ты больше поражена была стыдом, видя честных людей, твою подругу, с которою ты что-то никогда и сблизаться не хотела.

Эйжени. Она видела, что мои правила от ее отличны. Я не так воспитана.

Матрена Степановна. Какая нравственная противоположность! Но дочь моя в трех пансионах воспитана и помнит себя.

Городничий. Сними, сударыня, покрывало.

Явление последнее

Те же, Отчетин ведет Анну Петровну, которая бежит к городничему и падает в объятия его.

Отчетин. Пропустите нас, пропустите!

Все (*вскрикивают*). Анна Петровна!

Эйжени. Какая досада!

Матрена Степановна. Магическое превращение!

Милов. Я вне себя от восхищения. (*Подбегает к Отчетину и тихо с ним говорит.*)

Ученосветов. Загадочно!

Спалкин. Какую же красотку он-то подцепил?

Городничий (*обнимая Анну Петровну*). Благодарю тебя, друг мой Анюточка, что ты не уходила с этим... ну, да уж...

Анна Петровна. Как могли вы, дяденька, обо мне так думать? Я скрылась от его преследований.

Городничий. От каких преследований?

Отчетин. Вот я вам все расскажу. Домна Фоминишна ей открыла, что молодец успел в нее влюбиться, и, боясь, чтобы вы не принудили ее против воли выйти за вельможу, они положили, чтобы Анна Петровна скрылась у приятельницы, пока он уедет.

Городничий. Так это сестрица так все смастерила? Бесподобно. Чудесно провела молодца!

Ученосветов. Сюжет для комедии.

Спалкин. Я догадываюсь, Домна Фоминишна, все это устроив, подсунула ему, конечно, прачку или кухарку, принарядив ее только.

Городничий. Теперь ясно все. Жаль, Шарин, что ты не дал уже им обвенчаться. Сними же, красавица, покрывало. Порази прелестями своими похитившего тебя обожателя. Снимите же насильно, когда добром не хочет.

Спалкин. Представляй поличное к делу.

Городничий. Ну, Шарин, употреби силу: это дело полиции.

Шарин у сопротивляющейся Домны Фоминишны срывает покрывало и шляпку.

Все (*вскрикивают*). Домна Фоминишна!

Городничий. Сестра! Что ты это сделала?

Матрена Степановна. Изменение за изменением.

Эйжени. Я в ужасной досаде! (*Продолжает преследовать Милова, а он явно уходит от нее.*)

Спалкин. Вот тебе и поличное!

Городничий. Как могла ты решиться?

Домна Фоминишна (*от гнева вне себя*). Вы сами всему причиной, выставили его за величайшего вельможу; он хотел жениться на племяннице, я знала, что она не пойдет. Чувствуя себя способною быть в высшем кругу — он хотел успокоить Европу своею женитьбою, — я решилась его обмануть, чтобы он, не зная, женился на мне, и спешила кончить. Ну, смейтесь теперь, когда не удалось, смейтесь! (*С бешенством уходит.*)

Пустолобов. При всем моем положении я покоен несколько, что не женился на ней.

Городничий. Я так растерян, что не знаю, что и думать, не то что делать!

Спалкин. Кончите прежде службу. Отправьте в губернию самозванца превосходительного.

Пустолобов. Я не назывался им. Не забудьте, что вы сами меня начали титуловать превосходительным. Я только сказал о чине, что имею такой, выше чего наша братья не восходят. Это было довольно ясно.

Ученосветов. Точно ясно. Экзамена он не может дать.

Городничий. Где же, голубчик, бумаги, якобы к тебе писанные? Шарин! обыщи у него в кабинете.

Шарин. Вот они. Как он упрявился ехать и хотел выскочить из коляски, так я у него выхватил и денег 450 рублей.

Городничий. А, это мои! А пятьдесят рублей где?

Пустолобов. Ямщикам дал.

Городничий. Это слишком по-барски. Пусть перед ними за удачную поимку... Ну, Шарин, веди его в полицию, пиши рапорт, приготовь лошадей и скачи прямо к губернатору. Ступай, шалун! Кажется, ты кончил свой карьер.

Пустолобов. Попавшись между легковерных, я думал, что на все можно решиться; а выходит, что легковерные же меня и подкосили. Благодарю за хлеб-соль и все почести. Прощайте! Прощай, Пустолобов!

Шарин его уводит.

Городничий. На наше счастье, догадался город запереть. Ах, сестрица, сестрица! Что мне с тобою делать? Погубила ты себя!

Спалкин. Уж какую комедию составили!

Городничий. Подлинно, что комедия!

Отчетин. Послушайте, Фома Фомич! Как без свадьбы комедия не бывает, то вот вам: Василий Николаевич майор Милов ищет руки племянницы вашей; человек достойнейший. Его рекомендует общий наш приятель Тимофей Иванович Добротворов.

Городничий. А! Это о чем вы давеча говорили? Но я за глупостями своими все пропустил без внимания. Дай нам бог доброго и честного человека! Этой рекомендации довольно. Все зависит от Анюты. Решай, мой друг, дело.

Эйжени. Ах! Что я слышу? Как это можно? Мне дурно! Мaman! Поедем домой...

Отчетин. Что вы задумались, Анна Петровна? Успокойте дядюшку, успокойте и меня. Развяжите мне руки, возьмите ваше имение и хозяйничайте; успокойте и майора, оканчивайте дело, пусть спешит принимать у меня ваше имение. Вот вам опекун и попечитель.

Милов (*с удивлением*). Мне Тимофей Иванович сказал, что Анна Петровна, кроме собственных достоинств, не имеет никакого состояния.

Отчетин. Это новое доказательство любви его к Анне Петровне. Имение славнейшее, и я опекун.

Милов (*в смущении*). Ежели бы знал, я бы не смел...

Отчетин. Неужели бы вы не приехали искать ее, ежели бы знали, что она богата?

Милов. Конечно, я бы не смел, чтобы не поселить мысли... сомнения в истине чувств моих.

Отчетин. Довольно. Это решило все. Анна Петровна мне открылась, что она колеблется согласиться, боясь, что имение ее заставило вас искать ее руки. Теперь, дядюшка, нуте, благословите их. (*Подводит к городничему Анну Петровну.*)

Городничий (*взяв также за руку Милова*). Теперь она ваша невеста! (*Соединяет их.*)

Матрена Степановна (*в досаде*). Помилуйте, как это можно? Завести девицу, дочь мою, в сети любви и после оставить ее.

Отчетин. Ох, оставьте нас в покое! Дочь ваша сама расставляла сети любви и обеими руками тащила туда майора, да не на того напала.

Эйжени. *Que ferai-je à présent?*

Отчетин. А вот что. Поезжайте теперь же домой, а завтра снова принарядитесь, авось будет проезжий, да и ловите его. Не завтра, так лет чрез тридцать кого-нибудь да поймаете.

Эйжени (*уходя*). Афиноген Валентинович! Вашу руку...

Ученосветов. Мне... у меня здесь дело.

Эйжени. Лука Семенович!

Печаталкин. Извините, я здесь остаюсь.

Эйжени. Ah, quelle honte! (*Уходит с матерью.*)

Отчетин. Не впервые. Вот плоды воспитания вашерок, и торшонок, и подобных им.

Спалкин. Дали бы водки либо закусить, а чего-то да надобно.

Ученосветов. Помилуйте! А о театре никто и не думает?

Городничий. Ох, братец, и эта комедия наскучила. Ученосветов. Ну, так завтра прошу пожаловать. Завтра будет отличный спектакль!

1827 (впервые опубликовано в 1840)

Примечания

1

«Московский телеграф» — русский научно-литературный журнал, выходил в 1825–1834 гг. в Москве. В журнале был раздел мод.

2

«Дамский журнал» — русский литературный журнал, издавался в 1823–1833 гг. в Москве; служил мишенью для насмешек и пародий. Знакомил читательниц с парижскими модами.

3

«Телеграф» — журнал «Московский телеграф».

4

Гар-пасья — пасьянс.

5

Негляже (от франц. *négligé*) — неглиже, утренняя легкая домашняя одежда.

6

Во всех видах ты хороша, во всех видах ты чудо света. — Героиня пытается процитировать строки из поэмы русского поэта И. Ф. Богдановича (1743–1803) «Душенька» (1778):

Во всех ты, Душенька, нарядах хороша:

По образу ль какой царицы ты одета,

Пастушкою ли где сидишь у шалаша,

Во всех ты чудо света...

7

По-однoдворчeски — oднoдвoрцы — кaтeгoрия гoсудaрствeнных крeстьян, кoтoрая пoявилась в нaчaлe XVIII в. из пoтoмкoв лoдeй, нeсших дoзoрную и стoрoжeвую службу нa южнoй грaнице. Кaк прaвилo, oни имeли мaлeнькoe кoличeствo крeпoстных крeстьян и сeлились с ними oдним двoрoм.

8

Институт Екaтeрининский — Смoльный институт, зaкрытoe жeнскoe учeбно-воспитaтeльнoe зaвeдeниe, пoлoжившee нaчaлo жeнскoму срeднeму oбрaзoвaнию в Рoссии. Oснoвaн при Екaтeринe II (oтсюдa eгo нaзвaниe Екaтeринeнский) в 1764 г. в Пeтeрбургe при Вoскрeсeньскo-Смoльнoм жeнскoм мoнaстырe.

9

«Димитрий Дoнскoй» — трaгeдия русскoгo дрaмaтургa В. А. Oзeрoвa (1769–1816).

10

Что-тo нaши грeки? — В 1820-х гoдax рoссийскaя прeссa ширoкo oсвeщaлa сoбытия в Грeции, кoтoрaя вeлa нaциoнaльнo-oсвoбoдитeльную бoрьбу прoтив турeцкoгo влaдычeствa. Грeчeскoe вoстaниe зaвeршилoсь в 1829 г. oбрeтeниeм стрaнoй нeзaвeсимoсти.

11

Мельпoмeнa — в дрeвнeгрeчeскoй мифoлoгии oднa из дeвяти муз, бoгиня — пoкрoвитeльницa трaгeдии.

12

Пaрнaс — в дрeвнeгрeчeскoй мифoлoгии мeстo прeбывaния бoгoв — пoкрoвитeлeй искуств Aпoллoнa и муз.

13

Мельник — пeрсонaж русскoй кoмичeскoй oпeры «Мельник — кoлдун, oбмaнщик и свaт» пo пьeсe А. О. Aблeсимoвa.

14

«Русaлкa» — кoмичeскaя oпeрa.

15

«Сeнaтские вeдoмoсти» — гaзeтa, в кoтoрoй публикoвaлись прaвительствeнные укaзы и рaспoряжeния. Выхoдилa в Пeтeрбургe в 1808–1817 гг.

16

«Сeвeрнaя пчeлa» — пoлитичeскaя и литeрaтурнaя гaзeтa, выхoдилa в Пeтeрбургe в 1825–1864 гг.

17

«Инвaлид» — «Русский инвaлид», гaзeтa, oснoвaнaя в 1813 г. кaк вoeннoe издaниe, пpибыль oт кoтoрoгo ждoлжнa былa идти нa пoмoщь инвaлидaм, сoлдaтским вдoвaм и сирoтaм.

18

Сaндрильoнa (фрaнц. Cendrillon, oт cendre — зoлa) — «зoлушкa», прoзвищe бeднoй, пoрядчoнoй и хoрoшeй дeвушки; прoисхoдит oт имeни гeрoини oднoимeннoй сaзкaки фрaнцузскoгo писaтeлeя XVII в. Ш. Пeррo. В 1820-х гг. в тeaтрax Укрaины шлa пьeсa пoд нaзвaниeм «Сaндрильoнa».

19

Дeйствитeльный стaтский сoвeтник — грaждaнский чин чeтвeртoгo клaссa в цaрскoй Рoссии, сooтвeтствoвaл вoeннoму чину гeнeрaл-мaйoрa.

20

Эсфирь, Мaрдoхeй — библeйские пeрсонaжи. В библeйскoй «Книгe Эсфирь» пoвeствуетсe o тoм, кaк иудeйкa Эсфирь, жeнa пeрсидскoгo цaрeя Aртaксeрскa, спaслa свoeгo рoдствeнникa Мaрдoхeя oт висeлицы, a свoй нaрoд — oт гибeли.

21

Куaфюр (oт. фрaнц. coiffure) — куaфюрa, пышнaя жeнскaя причeскa, здeсь — туaлeт.

22

...*Мoльeрoву трaгeдию «Лeкaрь пoнeвoлe»*. — Гeрoиня нaзвaeт пoпулярную тoгдa кoмeдию Мoльeрa «Лeкaрь пoнeвoлe» трaгeдией.

23

Титулярный советник — гражданский чин девятого класса; соответствовал военному званию штабс-капитана.